

ВНИМАНИЕ: СЕРИАЛ!

Андрей Анисимов
БЛИЗНЕЦЫ

СЫСКОЕ БЮРО ЕРОЖИНА

Андрей Юрьевич Анисимов

Сыскное бюро Ерожина

Серия «Близнецы», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9367855
Близнецы 4. Сыскное бюро Ерожина: АСТ; Москва; 2004
ISBN 5-17-026757-6, 5-271-10466-4

Аннотация

...Смерть старика-ученого от сердечной недостаточности. Печальный, но далеко не «криминальный» поворот жизни? Возможно. Вот только... Вот только – почему брат погибшего прямо на похоронах объявляет немолодую вдову – самозванкой? Почему эта вполне естественная смерть – всего лишь первая в запутанном клубке преступлений, носящих явно «профессиональный» характер? И, наконец. Каким образом вплетается в этот клубок улики и свидетельства, совпадений и несоответствий история молоденькой хищницы, готовой, во имя выгодного брака, решительно на все?.. Это – лишь немногие из тайн, которые в силах раскрыть взявшийся за это загадочное дело частный детектив Ерожин...

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Андрей Анисимов

Близнецы 4. Сыскное бюро Ерожина

Часть первая

Неверная вдова

Тело Валерия Андреевича Понтелеева обнаружила супруга академика, приехав на дачу в Барвиху во вторник около трех часов дня. Она вообще ехать не собиралась, но за вечерним субботним чаем Валерий Андреевич неожиданно заговорил о даче. Общих тем для разговора у «молодоженов» было немного. Видимо, поэтому академик и вспомнил о своем садовом хозяйстве и сообщил, что в Барвихе давно созрели сливы и ранние яблоки. Марина Васильевна заволновалась, и решила не дать урожаю погибнуть. Своего сада у нее до замужества не было, и к даровым фруктам неизбалованная женщина относилась уважительно. Она собиралась быть на даче рано утром, но давали сериал, и Марина Васильевна увлеклась и проканителилась с отъездом. Героям «Санты Барбары» она сопереживала с первой серии, и хотя не всех помнила, следила за сюжетом сериала вдохновенно. Выключи-

чив телевизор, Марина Васильевна взяла большую корзину, множество пакетов и, повязав косынку, вышла из дома. От метро Беговая до дачи ходила электричка. Поезда ждать долго не пришлось, и через сорок минут супруга академика вошла в рубленый двухэтажный дом.

Бездыханный Валерий Андреевич лежал на спине в своей постели, и бледное лицо старика не выражало ни мук, ни ужаса. Покойный ученый, казалось, спит и видит приятные сны. Марина Васильевна дотронулась до его руки, и лишь ощутив мертвенный холод, вздрогнула и от неожиданности вскрикнула. Понтелеев отбыл на дачу еще в воскресенье, и сколько он пролежал так в постели, супруга определить не могла. Плакать и кричать Марина Васильевна не стала, а взяла телефон и набрала номер скорой помощи и милиции. Через двадцать минут из Красногорска на дачу в Барвиху прибыли медики и следственная группа.

Врач констатировал смерть знаменитого ученого. Признаков насилия на теле усопшего медэксперт не обнаружил, а кончина человека в семьдесят девять лет особого удивления у специалистов вызвала не могла. Увы, и академики смертны. Следователь записал рассказ супруги покойного о том, при каких обстоятельствах она обнаружила остывшего мужа. Дюжие ребята пристроили труп на носилки и, прикрыв простыней, деловито вынесли из дома. Фургон с красным крестом укатил, за ним последовал милицейский микроавтобус, и Марина Васильевна осталась на даче одна. Она усе-

лась в мягкое плюшевое кресло и сидела так минут двадцать. Глаза вдовы остановились на небольшой карточке в овальной рамке. Со снимка улыбалась строгая женщина в круглых очках с прической по моде пятидесятих годов. Марина Васильевна видела фотопортрет этой женщины в городской квартире профессора, и знала, что это Нора Понтелева, первая жена Валерия Андреевича, погибшая в автомобильной катастрофе много лет назад. Наконец, она вскинула голову, словно очнувшись, сняла косынку, про которую забыла, встала и медленно побрела по даче. Здесь она была раньше всего один раз и теперь оглядывала свои наследные владения. Старый добротный двухэтажный дом строил еще отец Понтелева, тоже известный ученый. Участок под дачу Андрей Афанасьевич Понтелев получил по личному распоряжению Иосифа Виссарионовича Сталина. Поросший соснами, огороженный высоким дощатым забором, этот участок в пол гектара представлял теперь целое состояние, поскольку земля по Рублевскому шоссе ценилась очень дорого. Здесь расположился самый престижный дачный район Подмосковья. Кроме участка и дачи, вдова наследовала четырех комнатную квартиру в доме академии наук на Большой Дмитровке и становилась хозяйкой научного архива. Цену архива мужа она не знала, но по тому интересу, который проявляли некоторые коммерческие фирмы к разработкам академика, догадывалась, что и это товар не дешевый. Марина Васильевна становилась богатой вдовой, но радости от это-

го не испытывала. Все что произошло с обыкновенной московской пенсионеркой за последний год скорее походило на фантастический водевиль. Расскажи ей кто-нибудь, что она на старости лет станет женой академика, а через два месяца окажется состоятельной вдовой, она бы долго смеялась. Марина Васильевна имела не очень большой, но практичный ум и в сказки не верила. Надо признаться, что и к богатству она никогда не рвалась и потребности имела скромные. Потому и никакого восторга от свалившегося капитала не испытывала. Профессора ей было жаль, но она его слишком мало знала, да и он сильных чувств, к женщине не проявлял. Поэтому его смерть, горем для себя новоявленная вдова считать не могла. Она вздохнула, еще раз оглядела дачу, подошла к телефону, и позвонила:

– Дина, его больше нет. Что мне делать?

– Ждать. – Ответил в трубке звонкий молодой голос.

– Сколько?

– Ровно через месяц после похорон я вас найду. Мне пока не звоните. Я этот месяц очень занята. – Сообщила Дина и положила трубку. Марина Васильевна снова повязала косынку, подняла с полу корзину и направилась в сад. Покойный академик сказал правду, яблоки давно созрели и своей тяжестью грозили разодрать деревья, а сливы начали осыпаться. Вдова подняла пару темных слив и положила по одной в рот. Плоды оказались сочными и очень сладкими. Через пол часа, наполнив дарами природы всю имевшуюся тару,

Марина Васильевна заперла дом, и побрела к станции. Ноша весила тяжело и быстро женщина идти не могла. Она делала короткие проходы, отдыхала и шла дальше. Занести корзину в электричку ей помог старичок с бородкой клинышком. Он же проявил галантность и при спуске в метро. Собранный урожай Марина Васильевна довезла до дома в полной сохранности, если не считать, что часть особенно спелых слив пустила сок в пакете. Но хозяйственная женщина не расстроилась и отложила мятые плоды на компот.

* * *

В пятницу Кирилл Андреевич проснулся, на рассвете. Вчера днем на даче происходила гулянка и он немного перебрал. Когда заснул, не помнил. С кем заснул тоже. Приоткрыв одеяло, он не без интереса оглядел длинноногую белокурую деву, что спала отвернувшись к стенке. В соседней деревне Масловке, всюю горланили петухи. Вдалеке прогремела первая электричка. От станции «Правда» до дачного кооператива «Дорожник» было не меньше двенадцати километров, но перестук вагонных колес долетал по-осеннему гулко. Кирилл встал, взял ведро, раздетым вышел на улицу, зачерпнул в кадке дождевой воды, облил себя с головой, крикнул и вернулся в домик. Там растер голову полотенцем и, распевая гимн Советского Союза «Нас вырастил Сталин на благо народа, на путь и на подвиги нас вдохновил», плюх-

нулся в кровать, и обнял девушку. Та от соприкосновения с его мокрым и холодным телом истерически завопила.

– Чего орешь, дура? – Беззлобно спросил Кирилл, продолжая обнимать девушку. Девушка замолчала и глядела на него ошалелыми со сна глазами. Потом, было, открыла рот, но Кирилл предпочел не слушать, что она скажет, а долгим поцелуем приступил к утреннему любовному ритуалу.

– Завтракать встанешь? – Спросил он, отваливаясь на подушку.

– Можно я еще посплю? – Тихо попросила дева.

– Можно. Как тебя зовут.

– Аленушкой. – Ответила она и отвернулась к стенке.

– Выходит, я серенький козлик. – Уже сам себе сообщил Кирилл, встал и поставил на плиту чайник. Двух конфорочная плитка, питалась газом из привезенного болона, и чай кипятила быстро. Маленький неказистый домик состоящий из кухоньки-терраски и спальни ничем не напоминал солидную академическую дачу в Барвихе. Семейную дачу отец Кирилла оставил старшему брату Валерию. Хотя официального завещания Андрей Афанасьевич и не сделал, но еще при жизни перевел дом на старшего сына. Само собой было ясно, что и дача и квартира переходят к старшему, потому что он известный ученый, продолжатель дела отца, а Кирилл простой шофер.

Чайник кипел и булькал. Кирилл Андреевич выключил газ, облачился в яркий спортивный костюм, вышел из дома.

ка, легко спустился по узкой лестнице в подземное хранилище, извлек кринку деревенского молока и сметану с творогом, что закупал в Масловке и выставил все это на столик, возле чайника. Холодильников на даче он не признавал, а вырыл глубокий погреб и продукты хранил в нем. Завтракал Кирилл обстоятельно, плотно и не торопясь. Заболев в молодости язвой желудка, шоферскую привычку заглатывать пищу на ходу он поборол. Теперь, ему исполнилось шестьдесят три. Но он выглядел на сорок, продолжал водить фуру. Мог выпить немеренно водки, хотя делал это редко и, когда кто-нибудь из сверстников говорил о болезнях, гоготал, как жеребец.

Говорят, что природа отдыхает на детях гениев. В семье Понтелеевых она отдохнула на младшеньком. Кирилл Андреевич родился на шестнадцать лет позже своего ученого брата. Обычно младшим достается куда больше ласки и внимания, но в семье академика все оказалось наоборот. Андрей Афанасьевич Понтелеев сразу невзлюбил новорожденного. Причина для этого была. При родах скончалась супруга, и Андрей Афанасьевич винил в ее смерти огромного младенца. Новорожденный Кирилл весил около пяти килограммов. Рассудком отец понимал, что малыш никак не виноват в трагедии, но сердцу приказать не мог. Когда Кирилл пошел в школу, его старший брат уже заканчивал аспирантуру. Старший говорил с отцом за обедом непонятными, только им двоим ведомыми терминами, что вызывало у Кирил-

ла приступы буйного веселья. Ему, спортсмену и силачу, научная деятельность отца и брата казалась бессмысленным и жалким делом. Он и того и другого в душе жалел, и относился к ним с ироническим сочувствием. После десятилетки, Кирилл закончил шоферские курсы, сел за баранку, а в семнадцать лет женился, и с тех пор родительский дом покинул. Позже, он вступал в брак неоднократно, и давно потерял счет своим возлюбленным и женам. Наверное, он и внебрачных детей сотворил достаточно, но считал себя бездетным.

– Кирюш, у тебя чего-нибудь не осталось? – Жалобный голос, помешавший Кириллу Андреевичу спокойно закончить трапезу, принадлежал соседу Вене. Моторист и механик Веня жил через дачку от Понтелеева и вчера гулял вместе с ним.

– Проверь. Наверное, вы вчера все выжрали. – Предположил Кирилл Андреевич допивая вторую кружку молока.

– Пусто. – Горестно сообщил Веня, закончив обследование дачки: – У тебя там кто-то спит.

– Девка спит. Не знаешь откуда она взялась? – Ответил Кирилл, собирая посуду. Грязной посуды он терпеть не мог и всегда мыл ее сразу.

– А какая это? – Грустно переспросил сосед.

– Поди посмотри. – Серьезно посоветовал Кирилл Андреевич. Веня снова углубился внутрь дома и через минуту сообщил, что в постели Понтелеева спит Алена, которую вчера привез с собой Пашка Ельцов:

– Но она сразу на тебя глаз положила. – Добавил он горестно. Горечь Вени вызывало не поведение Алены, а отсутствие спиртного в доме соседа.

– Ты к Диме сходи. У него всегда в холодильнике есть. – Предложил Кирилл Андреевич.

– Там Светка. У Димки баба злющая. Может и навешать. – Покачал головой Веня и исчез так же незаметно, как и появился. Кирилл Андреевич покончил с посудой, вытер руки и направился к своему ярко красному «Мерседесу». Он помнил, что вчера, по дороге на дачу руль машины неприятно подрагивал. «Надо рулевые тяги посмотреть» – Подумал он и открыл капот. Причина оказалось в другом. На яме, которую он словил, заглядевшись на дамочку рулившую в соседнем ряду, выбило стабилизатор. Кирилл Андреевич достал из багажника сумку с инструментами, приоткрыл дверцу и, чтобы не скучать во время ремонта, тихонько включил радио. Студия «Ретро» выдавала старые шлягеры. Понтелев эту студию любил, и приемник его машины чаще всего был на нее и настроен. Марк Бернес допел последний куплет песни «Шаланды полные кефали» и диктор начал короткий обзор новостей. Кирилл Андреевич политикой не интересовался и слушал в пол уха. Но неожиданно насторожился. До его сознания еще не дошел смысл текста, но подкорка уже сработала.

«Сегодня научная Москва прощается с академиком Валерием Андреевичем Понтелеевым». Подобающим скорбным

тоном вещал диктор. Потом еще минуту он перечислял заслуги ученого и, резко изменив тон на бодрый, перешел к новостям спорта.

– Валерки нет. – Прошептал Кирилл, выронил из рук гаечный ключ и уселся на траву. Когда и как умер брат? На какое время назначены похороны? Нужна ли его помощь? Все-го этого Кирилл Андреевич не знал и теперь мучительно думал как получить информацию. Вскочив на ноги, он первым делом побежал в дом искать мобильный телефон. Нашел его на качалке, под юбкой Аленушки, которая продолжала спать в той же позе, что он ее оставил. Телефон не работал. Вчера загуляв, он забыл подключить батарею к подзарядке, и теперь вертел в руках совершенно бесполезную вещь.

Быстро завершив ремонт машины, Кирилл открыл ворота, но вспомнив о девице, вернулся в дом. Гостья спала крепко и хозяину дачки пришлось встряхнуть ее за плечи. Алена вновь уставилась на него непонимающим взглядом:

– Ты уезжаешь? А я?

– У меня умер брат. Ты спи, потом закроешь дверь и положишь ключ под ведро с песком.

Девушка кивнула и вновь погрузилась в сон.

Низкая посадка немецкой машины не позволяла гнать по щебенке. Кирилл Андреевич прополз двести метров, и только вырулив на бетонку, придавил педаль газа. Мерседес взревел и рванул вперед. Двенадцать километров до Ярославского шоссе машина пролетела за одно мгновение. На трассе ав-

томобильный поток с каждой минутой увеличивался. Жители Подмосковья и дачники спешили в гигантский город, чтобы не упустить свой кусочек пирога. Они ехали на работу, и Кириллу Андреевичу пришлось тянуться вместе со всеми. Ему хотелось крикнуть «Скоты, у меня умер брат! Пропустите». Но Понтелеев понимал, что в каждой железной коробочке сидит водитель или целая семья. В каждой железной коробочке едут свои проблемы, и до его беды им нет дела. Когда в муравейнике погибает муравей, его тихо выносят вон, и муравейник продолжает кипеть. Таков и огромный город, в котором умер его брат. Это было личное горе Кирилла Андреевича Понтелеева.

Послушный рукам водителя, «Мерседес» притормозил и потащился в общем потоке.

«Почему смерть? Брат в последнее время вовсе не болел. Наоборот, этим летом Валера жил на подъеме» – Размышлял Понтелеев. Не смотря на то, что братья были совершенно разными людьми, Кирилл к Валерию относился с нежностью и опекал его, словно, калеку. Валерий являл собой классический пример ученого. Он мог выйти на улицу в разных башмаках, забыть переодеть пижамные брюки и совсем не понимал, что ест. Кириллу приходилось раз в неделю заезжать на Большую Дмитровку, и проверять холодильник. Чтобы братик не отравился, старые продукты он выбрасывал. Заодно чинил краны, следил за электричеством и пылесосил ковры. Валерий Андреевич чаще всего не замечал этой заботы. Ки-

рилл и не ждал благодарности. Он имел свои ключи и заезжал раз в неделю, когда позволяло время. Этот порядок нарушился два месяца назад. Семидесяти девятилетний академик неожиданно женился. Свадьбы он не устраивал, а лишь позвонил Кириллу на мобильный и сообщил торжественную новость. В этот момент Кирилл находился в рейсе. По прибытию он навестил «молодых», но получился конфуз.

Кирилл долго звонил в дверь, но ему не открывали. Время было дневное, Понтелеев младший предположил, что в квартире никого нет и воспользовался своими ключами. Но Валерий Андреевич не открывал по интимным соображениям. Он был с дамой. Заглянув в спальню, Кирилл Андреевич заметил стройные женские ножки, исчезнувшие под одеялом. Он извинился и покинул квартиру. Из телефонного разговора с братом, Кирилл знал, что Валерий женился на даме пятидесяти с лишком лет. Спускаясь в лифте, он прикинул, что «Для такого возраста ножки на удивление хорошо сохранились». Через неделю после этого случая братья вместе обедали. Валерий Андреевич произвел на младшего брата прекрасное впечатление. Он был весел, здоров и счастлив. Кирилл тогда впервые смотрел на старшего с некоторым восхищением. То что он сам позволял себе в шестьдесят три года спать с девушками и вести образ жизни молодого повесы, Кириллу Андреевичу казалось естественным. «Но завести роман и жениться в семьдесят девять». — Думал он: — «Это класс!» За обедом братья много смеялись и шутили.

Но перед тем как растаться, Валерий Андреевич вдруг стал очень серьезным.

— Я хочу попросить тебя об одном одолжении. — Он полез в свой потертый портфель, напоминая знаменитый портфель юмориста Жванецкого и извлек из него синюю картонную папку: — В этих бумагах очень любопытное открытие. Я получил его между делом, но теперь опасаясь, чтобы его не сперли. Спрячь эту папочку у себя. Ко мне слишком часто в последнее время стали прилипать всякие типы. Для нечистых на руку людей это очень лакомый кусочек. Кирилл Андреевич ухмыльнулся и спрятал папку за пазуху. Потом он ее засунул в духовку на своей кухне. Пирогов Кирилл никогда не пек и более укромного места в своей квартире не знал. После совместного обеда больше братья не виделись.

Перед Московской Кольцевой автодорогой поток замер. Минут двадцать пять машины стояли без движения. Потом стали передвигаться по десять, пятнадцать метров. Кирилл поглядел на часы. Стрелки показывали пятнадцать минут десятого.

«Не станут же они его хоронить в такую рань» — Успокаивал себя водитель. На свою московскую квартиру он попал к половине одиннадцатого. Младший Понтелеев любил яркие цвета и окружал себя предметами веселящими глаз своей насыщенностью цветом. Одевался он тоже ярко, поэтому черного костюма не имел вовсе. Переворотив весь свой гардероб, он с трудом отыскал темно серые брюки и черный

свитер. Время похорон брата Кирилл Андреевич уже знал. Сосед Женя принял за него телеграмму, и бланк воткнул в дверь. Валерия Андреевича Понтелеева хоронили в полдень. Их отец покоем на Воганьковском кладбище, туда же должны были доставить и тело Валерия. Прощались с академиком в зале Дома ученых, но на церемонию прощания Кирилл уже опаздывал, и решил ехать прямо на кладбище. Кирилл Андреевич побрился, оглядел себя в зеркало и вышел из квартиры. Понимая, что предстоят поминки, и не желая связывать себя рулем, машину он оставил у подъезда. На кладбище поехал на такси, предварительно купив десять роскошных гвоздик в ближайшем цветочном киоске. Толпу участников траурной церемонии Понтелеев заметил издали. Проводить ученого на кладбище собралось человек двести. Дубовый гроб на высокой подставке утопал в венках и букетах. Лицо покойного академика, нарумяненное и напудренное, Кирилл еле узнал. Чмокнув усопшего в холодный лоб, он огляделся и заметил у гроба полненькую невысокую дамочку в черном.

– Кто это? – Спросил он у Семена Яковлевича Вишневецкого. Со старым другом Валерия он не раз встречался в квартире на Большой Дмитровке.

– Это вдова. Марина Васильевна Понтелеева. – Ответил Семен Яковлевич, с удивлением взглянув на Кирилла.

– Какая к черту, вдова!? Это какая-то коротышка! – Громко возмутился Кирилл Андреевич. На него зашикали, но

Понтелеев не обратил на это никакого внимания. Он помнил стройненькие ножки в спальне брата. Дамочке в черном они принадлежать не могли:

– Гоните прочь эту карлицу. Валера женился на классной девчонке, а эта пигалица откуда взялась?! – Все сильнее раздражаясь, закричал брат покойного: – Пошла отсюда приживалка паршивая. У жены брата ноги от ушей росли, а у тебя задница по земле волочится!

Марина Васильевна отпрянула и спряталась за спины. Ничего не понимающая публика затаилась и молчала. Среди провожающих было немало пожилых ученых с женами. Были тут и представители иностранных академий, почетным членом которых являлся покойный. Они вовсе не понимали, что происходит у гроба знаменитого коллеги. Наконец, администратор от академии Рогов сообразил, что надо скандал прекращать и молодые парни из охраны оттеснили Кирилла Андреевича от гроба. Тот пытался сопротивляться, но силы оказались неравные. Кирилл сплюнул, еще раз обругал ни в чем не повинную вдову, и обиженно удалился. Домой возвращаться ему не хотелось. Потерю брата Кирилл Андреевич по своему переживал и хотел по христианскому обычаю, покойного помянуть. Выйдя за ворота кладбища, он остановил левака и поехал в кафе «Забава», что находилось недалеко от его родной автобазы. Там он заказал водки, молча выпил три раза по сто и закусил солянкой. Как на зло никто из знакомых шоферов в кафе не зашел, а поговорить

Кириллу Андреевичу хотелось. Понтелеев сильно не хмелел и подсаживаться к незнакомым не стал. Расплатившись, он посидел еще немного, потом вышел из кафе и направился к метро. К себе домой в Марьину Рощу он вернулся в начале седьмого. Стянув с себя черный свитер и брюки, залез под душ и стал размышлять, как закончить вечер. Сидеть одному дома было тошно. Хотелось поделиться обидой на академическую братию и получить сочувствие. С диспетчером Наташей он неделю назад разругался, и думал, что навсегда. Теперь жалел об этом. Раздумывая позвонить ей, или нет, вышел из ванной и облачился в оранжевый халат. Звонок в прихожей перебил мысли. Сегодня Кирилл Андреевич был бы рад любому гостю, поэтому быстро подошел к двери, и не спрашивая, распахнул ее. На пороге стоял широкоплечий атлет в черной маске. В его правой рук Кирилл Андреевич успел заметить пистолет с глушителем.

* * *

На Чистых Прудах в частном сыском бюро Петра Григорьевича Ерожина уже второй час шло странное производственное собрание. Присутствовали все сотрудники. За директорским столом устроился главный консультант сыщика отставной генерал и бывший зам министра Иван Григорьевич Грыжин. Сам Петр Григорьевич, отставной подполковник милиции, а ныне частный детектив, ходил по кабине-

ту. Его помощник, Глеб Михеев торчал у окна, загораживая своей долговязой особой и так неяркий дневной свет. Надя Ерожина сидела на столе, обхватив руками колени. Наконец, сыщик остановился и застыл. Наступила классическая пауза, как в спектакле по пьесе Гоголя «Ревизор».

– Что будем делать? – Спросил Петр Григорьевич, обращаясь, то ли ко всем, то ли к самому себе. Ответа он не дождался и принялся снова вышагивать по кабинету. Проблему, которую пытались решить сотрудники бюро, создала Надя. Молодая супруга сыщика близко к сердцу приняла результат расследования. Она боялась, что муж не тактично подаст факты, чем сможет разрушить семью их клиентки. Две недели назад в бюро появилась заказчица. Ерожин тогда стоял у окна и видел, как к подъезду подкатила дорогая японская машина и из нее вышла дамочка в замшевом костюмчике. Дамочка огляделась и уверенным шагом направилась к дверям их конторы. Петр Григорьевич размышлял об одном из незаконченных дел и не желая прерывать ход мыслей, попросил принять дамочку Грыжина. Генерал встретил клиентку, проводил ее к себе, но через десять минут постучал в дверь кабинета Петра Григорьевича.

– Это Петро, по твоей части. К тому же ты у нас директор, и клиентка желает иметь дело лично с тобой. Она слышана о твоих талантах, и я ее не устраиваю. – Усмехнулся Иван Григорьевич и, запустив дамочку в кабинет, ретировался. Петр Григорьевич указал женщине на кресло, воз-

ле своего стола и, дождавшись, когда она усядется, занял директорское место.

– Меня зовут Элла, – представилась клиентка и полезла в свою сумочку: – Я могу закурить?

Петр Григорьевич молча подвинул к дамочке пепельницу и кивнул. Элла достала из сумки пачку длинных сигарет и маленькую плоскую зажигалку, нервно вынула одну сигарету и стала высекать огонь. Но зажигалка не слушалась. Руки женщины дрожали, и Ерожину пришлось проявить галантность. Он взял из ее рук зажигалку, извлек длинный язычок пламени и поднес к ее сигарете.

Кабинет наполнился запахом ментола. Дамочка два раза затянулась, потом резким движением сигарету загасила, изломав ее в пепельнице до мундштука.

– Не волнуйтесь. Выкладывайте вашу проблему и вместе подумаем, как с ней справиться. – Стараясь говорить, как можно спокойнее и доброжелательнее, начал Петр Григорьевич. Его тон подействовал. Руки Эллы перестали дрожать, она откинулась на спинку кресла и долгим изучающим взглядом посмотрела в глаза Ерожина. Тот глаз не отвел. Видимо, в их спокойной стали Эллочка прочла, что хотела:

– У меня очень деликатная ситуация. И я надеюсь, то что скажу, из этих стен не выйдет. – Проговорила она низким хрипловатым голосом.

– Это обязательное условие нашей работы. – Заверил Ерожин.

— Два года назад я вышла замуж за очень красивого и богатого мужчину. — Эллочка замолчала и опять посмотрела в глаза сыщику. Ерожин не реагировал.

— Вышла по любви, а вовсе не из-за денег. — Продолжала Элла. Петр Григорьевич согласно кивнул.

— Наш роман был долгим и мучительным. До вступления в брак, три года мы встречались тайно. Дело в том, что мой муж был тогда не свободен. Я не требовала его развода. Поверьте, даже несколько раз сама порывалась прекратить нашу связь. Но я его слишком полюбила и окончательно порвать не могла. Два года назад Юра решился на развод, и мы поженились. Если на земле может быть Рай, то мы жили в Раю. Я видела, что Юра со мной по настоящему счастлив. Мы проводили вместе все его свободное время, много путешествовали, изъездили с десятков стран. Нам никогда вместе не было скучно. Так пролетели эти два года. Три месяца назад я впервые заметила, что муж со мной рассеян. Сперва, я приписала эту рассеянность его производственным проблемам. Но время шло, а он оставался все таким же. В течении всего нашего брака Юра никогда никуда не ездил один. Даже в деловые поездки он старался брать меня с собой. А тут вдруг сказал, что желает поохотиться в мужской компании. Я, конечно, не возражала. Юра очень много работает и ему необходим отдых. Впервые два выходных дня я провела одна. Через неделю все повторилось сначала. Вот уже два месяца каждый выходной он проводит на охоте. Скандалов или

сцен я ему не делала. Но так больше продолжаться не может.

– Что вы хотите от нас? – Спросил Ерожин, когда Элла замолчала и снова полезла в сумку за сигаретами.

– Я хочу знать, если у Юры появилась другая женщина и у него нет сил мне в этом признаться, я тихо из его жизни исчезну. Вот это я бы и хотела узнать от вас. Цену за Вашу работу можете называть любую. Я вполне обеспечена и могу позволить себе любые расходы.

Петр Григорьевич снова извлек из зажигалки пламя и, дождавшись, когда Элла выпустит дым, спросил.

– Вы хотите знать, действительно ли ваш муж ездит на охоту?

– Да. Но, при этом, он не должен догадаться, что я его подозреваю. – Ответила Элла, и Ерожин заметил, что ее глаза стали влажными.

– А что если он и впрямь охотится? – Поинтересовался сыщик.

– Дело в том, что до брака Юра иногда являлся ко мне в охотничьем костюме, и его прежняя жена думала что он уезжает в лес. – Призналась Элла и улыбнулась. Но улыбка у нее получилась жалкая.

– Хорошо, я через две недели вам отвечу. – Пообещал сыщик.

– Сколько я вам должна? – Спросила Элла, вставая. Ерожин взял бланк, написал что-то и протянул его клиентке:

– Финансами у нас занимается Иван Григорьевич Гры-

жин. Пройдите к нему и передайте этот квиток. Он подсчитает и скажет вам сумму. А за одно напишите адрес вашего дома и фирмы мужа. У вас, кстати, нет его фотографии?

Элла открыла сумку и быстро подала Ерожину карточку. Когда клиентка покинула кабинет, Петр Григорьевич положил фотографию на стол и достал из ящика очки. Ими он пользовался второй раз. Первый вчера у окулиста, когда их получал, и второй сегодня. С фотографии на Петра Григорьевича с ели заметной улыбкой взирал мужчина лет сорока. Фотография была цветная и сделана была не в России. Сзади просматривалась синева моря и какое-то экзотическое растение. Мужчина имел легкую седину и походил скорее на европейца, чем русского. Но это впечатление создавала прическа и ухоженное, гладко выбритое лицо. Ничего особенно интересного во внешности супруга клиентки сыщик не заметил. «Мужик как мужик. Дай нашему любому две три тысячи баксов в месяц, будет таким же красавцем», подумал Петр Григорьевич и убрал снимок в стол.

Делом Эллы Ерожин поручил заниматься Глебу. Пора молодому человеку начать самостоятельную работу. С заданием Михеев справился быстро. Уже через неделю он зашел в кабинет к шефу и сообщил, что готов выложить результат расследования. Результат всех и озадачил.

В пятницу, Михеев дежурил недалеко от офиса Юрия. Он уже знал, что директор фирмы «ДОРАСОВТ» ездит на синий «Мацубиси» и закупает продукты в финском магазине.

Первый выход из фирмы Юрий совершил днем в обеденный перерыв. Но вместо ресторана или дома он поехал по Садовому кольцу, свернул на проспект «Мира» и оставил машину у большого детского универмага, недалеко от метро Алексеевская. Там он быстро прошел через все залы и остановился у отдела торгующего велосипедами, самоходными джипами и другим дорогим детским транспортом. Михеев остался поодаль и не слышал, о чем Юрий говорил с продавцом. Понял только, что тот выписал ему чек, и Юрий расплатился в кассе. Никаких покупок он не забирал, а вышел из магазина, сел в свою «Мацубиси» и вернулся на фирму. Вечером, «подозреваемый» прикатил по своему домашнему адресу, пробыл минут сорок дома, и вышел снова к машине, уже одетый в камуфляжный костюм и с большой сумкой. Глеб поехал за ним и с удивлением отметил, что Юрий возвращается на фирму. Пробыл в офисе он не долго. Минут через пятнадцать появился снова на улице. За это время он успел переодеться в брюки и куртку, и напялить кепочку. Вместо своей машины, он подошел к микроавтобусу «Форд», открыл его и покатил в сторону Ленинградского шоссе. Там остановился возле большого сталинского дома, вышел из машины и скрылся в подъезде. Вернулся Юрий не один, и к удивлению Глеба не с дамой. Юрий вел под руку мальчугана лет восьми, и они оживленно о чем-то беседовали. Усадив мальчика в микроавтобус, Юрий сел за руль. Глеб с трудом поспевал за шустрой иномаркой. Они выехали за город и по-

мчались в сторону Петербурга. Километров через пятьдесят микроавтобус свернул на узкую бетонку, и не обращая внимание на «кирпич», понесся по запрещенной дороге. Глеб притормозил, раздумывая, как поступить, затем махнул рукой и поехал вдогонку. Бетонка привела к кемпингу. Подъехать к зданию Глеб не смог. Дорогу преграждал шлагбаум, и дежурила охрана. Михеев оставил машину возле лесочка и пешком стал обходить высокий сетчатый забор кемпинга. Юру и мальчика он увидел довольно скоро. Парень катил на игрушечном джипе, Юра умудрился усесться рядом, причем его коленки касались подбородка. Игрушечная машинка для взрослого мужчины не предназначалась. Михеев пронаблюдал за ними не меньше часа. И взрослый, и ребенок выглядели весьма довольными. Потом они скрылись в кемпинге. Все это Михеев поведал Петру Григорьевичу и выдал адрес на Ленинградке, откуда Юра забрал мальчика. С помощью друга с Петровки Боброва, Иван Григорьевич Грыжин без труда выяснил, что по этому адресу проживает бывшая жена Юры и его сын Миша. Глеб посидел на скамеечках возле их дома, и скоро вытянул у бабулек, что женщина второй раз вышла замуж и часто оставляет сына на домработницу Люду. Последнее время на выходные его забирает отец. Ерожин для страховки попросил Глеба последить за «подозреваемым» второй уэкенд. История повторилась, лишь с той разницей, что Юрий не повез мальчика в кемпинг, а полетел с ним в Петербург. Михеев решил, что сопровождать их

дорого и смысла нет. Шеф с ним согласился. Сегодня Элла должна была явиться за ответом. Женщина заплатила за работу и имела право на информацию. Но что ей сказать, Ерожин не знал. Для этого он и собрал совет.

– Чего вы дурыю маетесь. – Наконец, изрек Грыжин: – Бабе он не изменяет. Скажем, как есть и дело с концом.

– Это для Эллы может оказаться потяжелее измены. – Возразила Надя. На молодую, супругу Ерожина эта история очень тяжело подействовала. Петр Григорьевич заметил, что его жена, услышав результат следствия Михеева, украдкой всплакнула. Именно Надя потребовала найти форму разговора с клиенткой, чтобы пощадить ее чувства и не нарушить счастливый брак.

– Знаешь, что моя дорогая, если ты такая тонкая и звонкая, говори с этой дамочкой сама. – Разозлился Ерожин.

– Мы свое дело сделали. Деньги отработали, а уж дальше нас не касается. – Заявил Грыжин, но особой уверенности в его тоне не слышалось.

– Хорошо. Я с ней поговорю. – Неожиданно согласилась Надя.

– А вот и она. – Сказал Глеб, услышав мелодичный звонок селектора. Но он ошибся. В офис вторглась целая компания. Компания состояла из четырех мужчин. Старшего Ерожин узнал сразу. Это был пожилой водитель его тестя. Петрович.

– Петр Григорьевич, мы к тебе. Уж не откажи ребятам. Я заверил, что ты нас примешь и поможешь. – Сказал Пет-

рович, когда вся компания замерла на пороге директорского кабинета.

– Заходите мужики. – Пригласил Ерожин, разглядывая гостей. Младшему было лет тридцать. Одет он был в свитер и пиджак. Сверху на ладони проглядывала татуировка «Веня». Второй, лет сорока шести, брюхатый и мощный, засунул себя в костюм и напялил галстук. Сыщик без труда отметил, что эта одежда ему не привычна и стеснительна. Имя Вася, которым брюхатый представился, ему весьма подходило. Третий производил самое интеллигентное впечатление. Это был человек лет пятидесяти пяти, дорого, но строго одетый, с зачесанными назад седоватыми волосами, и небольшим кейсом в руках. Петровича Ерожин знал и разглядывать воздержался.

– Глеб, тащи сюда стулья. – Попросил Петр Григорьевич, усаживаясь за стол. Генерал Грыжин при виде такой компании быстро скрылся в своей комнате. За ним ушла и Надя. Глеб приволок стулья, но мужики продолжали топтаться возле стола, и усаживаться стеснялись. Первыми решились Петрович и пожилой интеллигент. Вася и Веня, наконец, тоже присели, но как то боком и подальше от директорского стола.

– Выкладывайте, с чем пожаловали. – Ободрил их Ерожин, поняв, что перед ним люди серьезные и с пустяком не придут.

– Кореша у нас убили. – Сказал Вася и замолчал, глядя в пол.

– Пал Палыч, давай ты. Ты инженер, связно говорить уме-

ешь. – Обратился Веня к интеллигентному пожилому мужчине с кейсом.

– Пал Палыч член директорского совета автобазы и ее главный инженер, а это водители, Веня и Вася. – Запоздало представил Петрович своих друзей. Пал Палыч кашлянул и неожиданно заговорил басом:

– Неделю назад в своей квартире застрелили нашего друга Кирилла. Мужик этот никому зла не делал, все мы его очень любили. Да и как его было не любить. По возрасту пенсионер, а по жизни мальчишка. Шоферил так, что и молодым не угнаться. В самые трудные рейсы мы его посылали. Без Кирилла мы осиротели. Найдите негодяя. Мы решили скинуться, и автобаза деньжат даст. Скажите сколько, и подлеца найдите. – Высказавшись, Пал Палыч замолчал и оглядел своих друзей. Те утвердительно закивали, выражая полное свое согласие с его словами. В возникшей тишине особенно странно прозвучал перезвон селектора. И слышался голос Эллы.

– Надя, ты выразила желание поговорить с нашей клиенткой. – Выйдя и приоткрыв дверь, сказал Ерожин. Удостоверившись, что услышан, Петр Григорьевич вернулся за свой стол:

– Вы в милицию обращались? – Спросил он притихших посетителей.

– Обращались, да больно редко они убийц находят. Нет у нас им веры. Вы уж постарайтесь. – Попросил Вася.

– Мы от лица всех водителей тебя просим. У нас на базе пятьдесят семь шоферов. Нас делегацией послали. Все скинуться готовы. Петрович нам рассказал, что ты мужик с головой. Похитрее дела распутывал. Найди нам гада. – Добавил Веня.

– Петрович, где ты взял этих ходоков? – Улыбнулся Ерожин.

– Дачные кооперативы у нас по соседству. Приятельствуем по водительски. Шофера народ компанейский. Нам подругому нельзя. – Ответил Петрович: – Да и знал я Кирилла лично. Мировой был мужик. Правда, невыдержанный и гуляка, но товарищ настоящий. Всегда на выручку приходил, если попросишь.

– Придется уважить вашу компанию. Но расследование может вылететь в копеечку. Мне с вас ломить совестно, но каких расходов потребует дело, я пока и сам знать не могу. – Предупредил Ерожин.

– О деньгах не волнуйтесь, достанем любую сумму, только работайте. – Баском заверил Пал Палыч.

– Идите к Грыжину, подписывайте договор. Аванс возьмем с вас небольшой, а там, как пойдет. – Сказал Ерожин и, заметив, что вся компания валит из кабинета, добавил: – Кто-нибудь один останься. Без информации дела не начать. Кто из вас видел Кирилла Андреевича в последний раз?

В кабинете задержался самый молодой Веня. Ерожин получил не очень членораздельный сюжет на тему, как они гу-

ляли на дачке убитого Кирилла за день до его гибели. Никаких подробностей Веня не помнил. Запомнил лишь, что на утро у Кирилла выпивки не осталось, а в постели его спала Аленушка, которую Кирилл раньше не знал. Петр Григорьевич выпросил, что мог у Вени и отпустил его из кабинета. Веня облегченно вздохнул и поспешил присоединиться к приятелям. Выпроводив Гену, Ерожин сам вышел в коридор. В комнате, где обитали Грыжин и Глеб стоял гул голосов водителей, а бас Грыжина сливался с басом Пал Палыча. Сыщик прошел дальше и из маленького кабинетика – бывшей кухоньки (бюро Ерожина возникло на месте некогда жилой квартиры) услышал голос своей жены:

– Я бы вам посоветовала сделать вид, что вы ничего не знаете о тайных встречах Юрия с сыном и самой поинтересоваться у мужа о его ребенке. Попросите Юрия пригласить мальчика в ваш дом.

– А если он не хочет видеть нас вместе? – Это уже звучал голос Эллы.

– Почему вы так думаете? – Спрашивала Надя.

– Он ни разу не предложил привести сына к нам. – Отвечала клиентка.

– Ваш муж знает, что вы не можете иметь детей, и не хочет вас своим сыном травмировать. А если вы проявите инициативу, он будет счастлив. – Убеждала Надя.

– Вы искренне так полагаете?

– Я в этом уверена.

Петр Григорьевич вернулся в свой кабинет и подумал, что его Надя после того что пережила свою неудавшуюся беременность, стала совсем другой. Она стала взрослой. Ерожин выдвинул ящик своего письменного стола, достал фотографию Юры, и понес ее клиентке:

– Возьмите портрет Вашего супруга. Ваш муж действительно очень красивый мужчина. – Сказал сыщик, протягивая карточку. Элла взяла фотографию и посмотрела на Ерожина глазами счастливой женщины:

– Правда? Значит, не одна я так думаю. – Она покраснела, и бережно спрятала снимок в сумку. Ерожин подмигнул Наде и пошел провожать клиентку. Он вывел ее из офиса и помог сесть в машину.

– Какая очаровательная девушка работает у вас в бюро. – Сказала Элла, устраиваясь за рулем.

– Эта очаровательная девушка, моя жена. – Серьезно сказал Ерожин, и захлопнул дверцу ее машины. Элла приоткрыла стекло и пред тем, как тронуться, оглядела и как бы заново оценила внешность сыщика:

– Должна вам сказать, что вы очень красивая пара.

Петр Григорьевич поклонился, дождался, пока машина скрылась за поворотом, и медленно вернулся в свой офис.

* * *

Фридрих Эдуардович Мюллер пил утренний кофе в рос-

кошном стеганом халате. Старинные настенные часы профессора отбили десять часов утра. Так рано Фридрих Эдуардович редко покидал спальню. Но сегодня был день особенный. Профессору исполнялось восемьдесят лет и чтобы привести себя в порядок для этого торжественного дня, ему требовалось время. Поставив опустевшую чашечку на блюдце, профессор любовался на свои сухие породистые руки, украшенные платиновым перстнем и узеньким золотым кольцом вдовца, встал с кресла и медленно побрел по квартире. Возле огромного зеркала в резной раме стиля рококо он задержался. Отражение ему нравилось. Седой, но с прекрасной шевелюрой, без намека на лысину, великолепными белоснежными зубами, правда вставными, поджарый и элегантный старик и впрямь был хорош.

– Поздравляю, душка. – Сказал он сам себе и двинулся в ванную. Брился Мюллер долго. В старости у мужчин возникают свои проблемы. Некогда упругие щеки становятся дряблыми и чтобы их чисто выбрить, надо подтягивать кожу пальцами. Фридрих Эдуардович брился старинным бронзовым станком, служившим ему не один десяток лет. Покончив со щетиной, которая не смотря на преклонный возраст, перла как у молодого и оставалась по-прежнему жесткой, профессор взял тюбик французского косметического крема, и минут десять массировал щеки и лоб. Закончив массаж, он умылся теплой водой, снял халат и, встав на скамеечку, шагнул в ванную. Мылся профессор долго и с удовольствием.

Мочалку он намыливал не обыкновенным мылом, а дорогим шампунем, который не сушил кожу, а приятно ее освежал. Осторожно выбравшись из ванны, снова воспользовавшись для этого скамеечкой, Фридрих Эдуардович не торопясь, но энергично растер себя махровой простыней и в ней же, не надевая халата, выплыл в квартиру. Прошествовав в спальню, он уселся у трюмо, и долго и тщательно причесывался. Завершив работу с прической, он взял маленькое зеркальце, и через зеркала трюмо оглядел себя с затылка. Теперь можно было и одеваться. Отбросив махровую простыню на огромную двух спальную кровать карельской бере-зы, профессор открыл старинный трех створчатый гардероб, украшенный, как и кровать, деталями из золоченой бронзы и задумался. Голый сухопарый старик надолго замер возле своего гардероба, размышляя, как одеться по случаю торже-ственного дня. Свой выбор он остановил на светлом, почти белом шерстяном костюме. Этот костюм он приобрел в про-шлом году в Гамбурге, куда был приглашен в качестве почет-ного члена жюри на фестиваль европейского театра. Обыч-но обрусевший немец Мюллер немецких вещей не призна-вал. Но этот костюм ему понравился. В нем было что-то от моды двадцатых годов, но это что-то не раздражало вульгар-ной пародией, а несло в себе лишь намек на время. В костю-ме был стиль. А чувство стиля Фридрих Эдуардович имел обостренное. Недаром его критические статьи об оформле-нии спектаклей и костюмах, театральные художники читали,

как приговор.

Выходить из дома Мюллер пока не собирался, но зная, что поздравители могут проявиться рано, посчитал необходимым одеться. И оказался прав. Не успел он оглядеть себя в большом зеркале гостиной, как в прихожей раздался звонок. Мюллер приосанился и решительно направился к парадным дверям своей квартиры.

– Кто там? – Спросил он игривым тоном.

– Здесь проживает профессор Фридрих Эдуардович Мюллер? – В свою очередь, поинтересовался мужской голос за дверью. Профессор взглянул в глазок и увидел огромный букет белых роз. За цветами едва просматривалась форменная кепка с вензелями и прыщеватое лицо молодого человека. Мюллер открыл дверь, и ему вручили букет.

– Кому я обязан за эти великолепные розы, поинтересовался старик, расписываясь в тетради разносчика цветов.

– Там имеется конверт. – Ответил молодой человек и, профессионально улыбнувшись, откланялся. Профессор запер дверь и внес букет в квартиру. Положив цветы на круглый бронзовый столик, он осторожно, чтобы не пораниться о шипы, потрогал стебли и нащупал конверт. Оставив розы до времени в холле, Фридрих Эдуардович прошествовал с конвертом в кабинет и, усевшись за огромный ореховый секретер, взял в руки лупу. Лупа тоже была старинная, оправленная в золоченую бронзу. На конверте Мюллер разглядел короткую надпись «От поклонницы». Он ухмыльнулся и до-

стал и хрустального стакана ножек слоновой кости. Этот ножечек жил на свете не меньше двух сотен лет и предназначался для разрезания книжных страниц старинных романов. В конверте имелись послание и фотография. На великолепном листе бумаге с золоченым обрезами, профессор прочитал признание в любви. Ни имени поклонницы, ни лица на фотографии он припомнить не мог. Да и она в своем послании, сообщала, что они не знакомы.

«Вы меня не знаете. Я люблю Вас с того дня, как увидела. Возможно, девушке и не подобает раскрывать мужчине свои чувства, но мне кажется что в наше либеральное время в этом большой нескромности нет. Я хочу, что бы Вы знали, что на свете есть существо, которое Вас обожает и готово ради Вас на любой поступок. Не смотря на мои двадцать пять лет, я вполне зрелый человек и за свои слова и чувства отвечаю. Поздравляю Вас с прекрасным юбилеем и желаю счастья. Нора». На другой стороне листка имелась маленькая приписка. «Уверена в том, что Вы самый благородный мужчина, которого я видела, поэтому прошу Вас мое письмо и фотографию никому не показывать. Мне было бы больно думать, что вы отнесетесь к моему чувству, как к шутке и посмеетесь надо мной с друзьями»

Ни обратного адреса, ни телефона на письме профессор не обнаружил. Мюллер посидел некоторое время, перечитал письмо, вздохнул, и чему-то, улыбаясь, вернулся в холл. Развернув розы, профессор заметил еще один листок, выпав-

ший из букета. Он резво нагнулся за ним и снова прошествовал в кабинет. Но листок оказался рекламкой цветочного магазина. Профессор выбросил листок в корзину для ненужных бумаг, вышел в гостиную, оглядел коллекцию ваз на своем серванте и, выбрав оправленную в серебро, тяжелую хрустальную вазу, наполнил ее водой и поставил туда розы. Проведя это, он любовался цветами, снова вернулся в кабинет и взял в руки фотографию девушки. Поглядев на нее через лупу, он достал маленькие очки, и продолжил изучать фото через них. Лицо на карточке притягивало взгляд профессора. С фотографии на него смотрела молодая особа с темно синими немного раскосыми глазами. Такой темной синевы добивались немецкие заводы Мейсена на своем кобальте. Но кобальт на фарфоре блестел глазурью, а ее огромные зрачки оставались бархатно темными. Во всем облике незнакомки имелось нечто таинственное и настораживающее. Девушка на фото не улыбалась, а смотрела на Мюллера серьезно и немного с любопытством.

– Нора... – Тихо повторил про себя Мюллер и стал вспоминать, не встречалось ли ему это лицо. Первым делом он подумал о студентках МГУ, где читал историю костюма на кафедре искусствоведения. Но такой девушки среди студентов он не помнил. Хотя все хорошенькие лица запоминал сразу. Как всякий гурман, профессор любил красивых молодых женщин, и их красота не оставляла его равнодушным.

– Нет, Нора, мы, и вправду, с тобой не знакомы. – Задум-

чиво проговорил Фридрих Эдуардович и спрятал письмо с фотографией в потайной ящикек секретера.

В час дня профессора пришли поздравлять студенты. Их веселая стайка выстроилась в гостиной и зачитала юбиляру трогательные стишки. Стишки были немного наивными, но вполне искренними, и Мюллер с трудом сдержался, чтобы не прослезиться. Он угостил студентов чаем с тортом. После чаепития девушки аккуратнейшим образом мыли за собой чашки и блюда дорого тюрингского фарфора и ставили их назад в сервант. А два юноши (на искусствоведческом курсе преобладали девицы) с почтительным любопытством рассматривали живопись на стенах профессорской гостиной. Подлинники Бакста, Малевича и Лентулова в домашней обстановки им раньше видеть не доводилось. Наблюдая за молодыми людьми и девицами, Фридрих Эдуардович ловил себя на мысли, что продолжает думать о странной девушке, приславшей ему признание в любви. Хотя профессор и делал вид, что воспринял это, как милую шутку, в глубине души старик был заинтригован.

После обеда посетители пошли косяком. Делегацию из большого театра, сменили дамы из Союза Художников, затем появились журналисты и телевизионщики. Подарки и цветы заняли все вазы и плоскости в просторной антикварной квартире профессора. За праздничный стол он уселся лишь к восьми вечера. К этому времени остались только близкие друзья Фридриха Эдуардовича. Их оказалось не

меньше трех десятков. Огромный овальный стол в гостиной не вмещал всех гостей. К нему пришлось приставлять маленькие ломберные столики и сооружать дополнительные места. Мюллера без конца требовали к телефону. Юбилера поздравляли из Гамбурга, Парижа, Нью-Йорка. Профессор благодарил на немецком, английском и французском и к концу вечера немного утомился. В финале пили шампанское при свечах. Наконец гости разошлись, работницы приглашенные из ресторана «Центральный», что находился на Тверской, поблизости от профессорской квартиры, помыли посуду, помогли расставить мебель по своим местам и, получив щедрые чаевые, удалились. Мюллер остался один. Он не лег сразу, а некоторое время подремал в кресле. В канделябре на серванте догорали свечи, освещая прекрасные белые цветы. Язычки пламени мерцали в хрустале вазы, рассыпались бликами по ее серебряной отделке. Старинные настенные часы фирмы Густав Беккер пробили час ночи. Мюллер встал, поставил на свой допотопный проигрыватель пластинку Александра Вертинского и, снова усевшись в кресло, прикрыл глаза. Он слушал ироничный голос певца и видел перед собой темно синие бархатные глаза незнакомки, приславшей к его восьмидесятилетию роскошные белые розы и признание в любви.

Петр Григорьевич Ерожин начал свой рабочий день с Петровки. Никита Васильевич Бобров запаздывал, и Ерожин присел возле его кабинета. Он машинально оглядел табличку на двери с надписью «Начальник отдела раскрытия убийств» и с грустью подумал, что через год Бобров может уйти на пенсию. Лишиться такого полезного и приятного мужика, да еще с Петровки, Петр Григорьевич не хотел. Хотя он и был горазд на человеческие контакты но, когда тебе далеко за сорок, новых друзей заводить сложно. Бобров появился только через пол часа.

– Задерживаешься начальник... – Улыбнулся Ерожин.

– Извини, подполковник. Не знал, что ты меня ждешь. Зуб замучил. Всю ночь маялся, а утром побежал в нашу поликлинику, вот и припоздал. – Ответил Никита Васильевич, по инерции придерживая щеку. Зуб уже не болел, но память о боли еще не прошла: – Чаю хочешь? Мне два часа жевать не велено, но чаю бы с тобой попил.

Ерожин, зная, что Бобров толк в чаях понимает, не возражал. Полковник поколдовал возле шкафчика и вышел с чайником за водой. Ерожин слышал как он по дороге учинил разнос за опоздание какому-то подчиненному и улыбнулся.

– Чего лыбишься? – Вернувшись, спросил Никита Васильевич, устанавливая чайник в электрическое гнездо.

– Да так. Слышал твой разнос...

– Мне позволительно, да и редко опаздываю, а их распускать нельзя. – Проворчал Бобров, усаживаясь за свой стол: – Выкладывай, с чем пришел. Без дела тебя не дождешься.

– Как будто ты ко мне в бюро без дела каждый день приходишь. – Усмехнулся Ерожин.

– Ну, ладно, Хватит антимоний. Мы старые козлы и не нам друг другу песни петь. Выкладывай.

– Вчера ко мне заявила делегация с восьмой автобазы. В пятницу их дружка подстрелили. Кириллом Понтелеевым звать. Что у тебя по этому делу есть? – Спросил Ерожин. Скоростной чайник забулькал и отключился от сети. Бобров вздохнул, встал из за стола, чайник он держал на подоконнике, и залив заварник, накрыл его шляпой.

– Никогда тебя в шляпе не видел. – Удивился Петр Григорьевич.

– Не моя. Кто-то забыл. Всех спрашивал, не признаются. Пустил ее в дело в качестве «бабы». А про твое убийство, что могу сказать. Странное оно. Вроде, на вид работал профессиональный киллер. С контрольным выстрелом, брошенным пистолетом и со всеми атрибутами заказа. Но этого мужика стрелять не за что. Он весь как на ладони. Ни тебе бизнеса, ни больших денег. Старый мальчик. Французы про таких говорят «вьей гарсон». Водил фуру по междугородним маршрутам. Дальнобойщик, шоферюга высшего класса, хоть и на пенсию пора. Зарабатывал неплохо, но все просаживал. Дру-

зей угощал, девчонок. Я вник в это дело, потому что он брат знаменитого академика. Думал, здесь какая связь. Академика в пятницу хоронили, Кирилл на похоронах был. Нахамил вдове. Его прогнали. Он приехал в свое кафе, возле автобазы, выпил триста грамм, видно, помянул брата и поехал домой. Там между девятнадцатью и двадцатью его и шлепнули.

– Можно мне дело посмотреть. – Попросил Ерожин.

– Смотри. Только ничего путного не увидишь. Все есть конечно, и опрос соседей и заключения медиков и заключение баллистов, да толку что? Ни одной зацепки. Ответил Никита Васильевич и разлил чай.

– А связи с умершим братом академиком ты так и не углядел? Может быть, наследство? – Поинтересовался Ерожин, отхлебывая из стакана.

– Нет. Они совершенно разные люди. Разный круг знакомств, разные интересы. А насчет наследства я сразу подумал. Но на Кирилле ничего нет. Все остается вдове. – Показал головой Бобров: – Копаем, но быстрых результатов не жду. Попробуй, у тебя преимущество. Берешь одно дело и крутишь, а у меня Москва....

Ерожин похвалил чай, зашел в соседний кабинет к следователю Волкову, выписал из дела, все, что его заинтересовало, и покинул управление. Усевшись в свой «Сааб», Петр Григорьевич откинул голову на подголовник и минут пять просидел с закрытыми глазами, затем добыл из «бардачка» блокнот, а из кармана свою выписку из дела об убийстве

Кирилла Андреевич Понтелеева и, послунявив ручку, записал. Номер один. Вдова академика. Причина хамства Кирилла во время похорон. Номер два. Гулянка на дачке в «Правде». Опрос собутыльников. Номер три. Неизвестная Кирилла Аленушка. Номер четыре. Найти постоянную женщину, или женщин убитого.

«Надо ехать к вдове». – Подумал Ерожин, но поехал в Академию Наук. Сворачивая с Ленинского проспекта к помпезному особняку, Петр Григорьевич и сам не знал, что и у кого хочет выяснить. Охрана к беседам расположена не была, лишь показав документ подполковника милиции, Петр Григорьевич сумел попасть в здание. После бесполезных проходов по этажам и разным кабинетам, сыщику, наконец, повезло. Николай Сергеевич Рогов как административное лицо, принимал участие в похоронах академика Понтелеева и был непосредственным очевидцем скандала с братом покойного.

– Что я могу сказать? Отвратительная история. О мертвых плохо не говорят. Но о том, что Кирилл мертв, я узнал сейчас с ваших слов. – Раздраженно сообщил Рогов, выслушав просьбу Петра Григорьевича и узнав от него о гибели Понтелеева младшего.

– А разве ребята с Петровки с вами не беседовали? – Удивился Ерожин.

– Я только сегодня вернулся из командировки. Еще даже отчет не успел составить. Вы меня взяли тепленького. –

Усмехнулся Рогов. Петр Григорьевич оглядел письменный стол, заваленный бумагами, раскрытый кейс в кресле, и понял, что ему повезло. Чиновник от науки появился в своем кабинете не больше полу часа назад.

– Если можно, опишите эту неприятную сцену подробнее. – Попросил сыщик.

– Все произошло за минуту, две. Кирилл на прощание с братом в Дом Ученых не явился. На Воганьковское кладбище тоже приехал, чуть ли не к концу. Подошел к вдове и стал обзывать ее карлицей, пигалицей. Кричал на женщину. – Вспоминал Рогов.

– Так сразу и набросился? Может она его чем-то задела? – Петр Григорьевич хотел заставить администратора сосредоточиться, но тот явно думал о своих делах и старался от посетителя побыстрее избавиться.

– Она и рта не успела открыть. Женщина скромная, во все не скандальная. Мы ее потом ели успокоили. Хорошая женщина. Жаль, что Валерий Андреевич так мало с ней прожил. – Посочувствовал покойному Рогов.

– Академик недавно женился? – Удивился Ерожин. В деле Кирилла об этом не было ни слова.

– Два месяца назад. Может чуть больше. Совсем недавно. – Подтвердил Рогов. Петр Григорьевич аккуратно записал адрес квартиры и дачи академика, телефон вдовы, поблагодарил занятого администратора за выделенное ему время и покинул особняк. Теперь он был доволен, что не поехал

к вдове академика сразу. Вдову Ерожин решил оставить на закуску и говорить с нею, разузнав побольше. Сыщику захотелось встретиться еще раз с друзьями Кирилла, и он поехал на автобазу. Водителя Васю Петр Григорьевич на базе не застал. Тот вчера ушел в рейс и должен был вернуться лишь в конце недели. Механик Веня тоже на работу не вышел. Видно, поминки друга у него затянулись. Один Пал Палыч оказался на месте.

– Я бы хотел поговорить с Павлом Ельцовым. Вы не знаете, как его найти? – Начал Ерожин, после короткого приветствия.

– У нас сотрудника с такой фамилией нет. – Развел руками главный инженер автобазы. А кто вам назвал его имя?

– Ваш механик Веня сообщил мне, что на гулянке, за день до рокового выстрела, на дачке Кирилла присутствовал Павел Ельцов с девушкой Аленой. Мне больше нужна сама Алена, чем Павел. Но без него мне ее не найти. – Объяснил Петр Григорьевич. Инженер задумался: А вы не хотите с Наташей Корнеевой поговорить. Она сегодня с семи заступает. Диспетчер наш.

– А кто это Наташа.? – Заинтересовался Ерожин.

– Последняя любовь Кирилла. Правда, они вроде повздорили, но думаю, не серьезно. – Ответил Пал Палыч.

– После семи заеду, ну а как насчет Ельцова? – Не отставал Ерожин.

– В тот день с ними гулял Толя Соломакин. Тоже наш во-

дитель. Может, он в курсе. Он, я видел, только что был у директора. Пошли поищем.

Толю найти удалось быстро. Соломакин сидел в буфете и тянул кефир.

– Лечишься? – Басом спросил Толю главный инженер.

– Немного. – Смущенно согласился парень. Соломакину на вид было не больше тридцати.

– Знакомься, перед тобой известный следователь. Ищет убийцу Кирилла. Помогите ему. – Представил Пал Палыч Ерожина и оставил их вдвоем. Сыщик присел за столик и улыбнулся.

– Насчет известности, ваш главный, немного перестарался, а в остальном все так. Я ищу убийцу вашего друга.

– Я его не знаю. – Заморгал глазами Толя.

– Ну, об этом я догадываюсь. – Рассмеялся Петр Григорьевич: – Зато ты должен знать Павла Ельцова. А мне очень надо поговорить с его девушкой Аленой.

– Тоже мне проблема. Алена валюту меняет на углу. Пошли, познакомлю. А Ельцов с ней разругался. Как раз из за Кирилла. Он за ней год ходит, а она Кириллу в первый день дала. – Доложил Толя.

– Сколько же лет этому Ельцову. – Улыбнулся Ерожин.

– Пашка мой ровесник. Тридцать два в мае было. У меня в апреле, а у него в мае... – Вспомнил Соломакин.

– А Кириллу шестьдесят три. Странная вещь получается. Что, Алена извращенка? – Поинтересовался Ерожин.

– Да вы Кирилла не знаете, не знали... – Поправился Толя:
– Это такой мужик был. Любую за руку возьмет и она с ним.
Хоть сорок, хоть шестнадцать. Ему все равно. Девки на него,
как мухи на мед. Он часто сам морду воротил.

– Нормальный мужик. – Согласился Ерожин и впервые по
человечески пожалел убитого.

Алене оставалось до перерыва полтора часа. Покинуть обменный пункт раньше она не могла. У Ерожина на секунду мелькнуло подозрение, уж не связано ли убийство Кирилла Понтелеева с валютными делами, но вспомнив, со слов Вени, что покойный сам не знал, с кем спит, от этой мысли сразу отказался. Чтобы убить время до встречи с Аленой, он вернулся на автобазу и попытался поговорить с другими приятелями и сослуживцами Кирилла Андреевича. Ничего нового Ерожин не узнал, но характер убитого стал ему понятнее. Кирилл, мягко говоря, не был дипломатом. Понтелеев позволял себе вспылить и высказать в лицо все, что думает. И в выражениях не стеснялся. Но за доброту и товарищескую отзывчивость ему это прощали. Что у водителя Понтелеева брат известный академик, на автобазе узнали только сейчас.

Через полтора часа Петр Григорьевич явился к обменному пункту. Алена оказалась высокой длинноногой блондинкой с голубыми невинными глазами гимназистки. Ерожин предложил покормить ее обедом, и они пошли в ближайшее кафе. Кафе называлось «Забава» и Петр Григорьевич знал из дела, что в нем поминал брата убитый Кирилл.

– Ну, и чего ты хочешь от меня выпытать. – Спросила Алена, уплетая харчо.

– Все что ты можешь рассказать о Кирилле. – Пояснил Петр Григорьевич.

– Я вообще то в восемь заканчиваю. Хочешь, на дискотеку сходим. – Неожиданно предложила Алена, стрельнув в Ерожина. голубыми невинными глазами.

– Ты, что взрослых мужиков любишь? – Усмехнулся он.

– Я нормальных мужиков люблю, а возраст не при чем. Мужик сразу виден. – Сообщила Алена и снова углубилась в тарелку.

– Спасибо. – Улыбнулся Ерожин.

– Спасибо да, или спасибо нет? – Уточнила девушка.

– Сначала давай о Кирилле. – Уклонился от ответа Петр Григорьевич.

– О Кирилле, так о Кирилле. Ну, переспала я с ним. Жаль мальчика. Хорош был мальчик. – Проговорила Алена, и оставила пустую тарелку на край стола: – Я, то вообще, жрать хочу. Мне супчика мало. Смену добивать.

– Ничего себе мальчик. Мог бы уже три года на пенсии отдыхать... – Усмехнулся Ерожин и подвинул к блондинке меню:

– Он зато любому сопляку фору даст. И в койке и за рулем. Мужики про него рассказывали. – И она ткнула пальчиком в киевскую котлету. Петр Григорьевич заметил затейливый маникюр своей новой знакомой. Ноготки Алены покрывал

синий лак, а по нему имелась роспись в мелкие цветочки. – «Ювелирная работа», подумал сыщик:

– Ты взрослая девушка и вправе спать с кем угодно. – Примирительно сказал он: – Меня не это интересует. Расскажи, как вы провели день накануне.

– Как всегда. Мужики пили водку. Пока не набрались, травили анекдоты. Все кроме Кирилла нажрались до чертиков. Он спать своими ногами ушел. Я к нему и подвалила. Ну и не зря. Хорош мужик. Он меня еще и утром достал. Только я сонная была. Ничего не помню. А вспомнила, он мокрый был, как лягушка.

– Почему мокрый? – Не понял сыщик.

– Ведро ледяной воды на себя вылил и ко мне в койку. – Улыбнулась Алена, и деловито принялась за киевскую котлету.

– В четверг, кроме анекдотов, другого разговора не было. – Пытался Ерожин вернуть Алену к дневным воспоминаниям.

– Кирилл братом хвалился. Рассказывал, что брату его сто лет, а он женился на длинноногой девчонке и трахал ее целыми днями. Я не поверила. Сказала, врешь. Он мне чуть по роже не вмазал. Так за брата обиделся. Я тогда на него и запала.

– Скажи, а почему он так рано уехал?

– Так у него же брат помер. – Удивилась вопросу Алена.

– Откуда ты знаешь? – Насторожился Ерожин.

– Он сам сказал.

– Что сказал? Постарайся вспомнить его слова точно. – Попросил сыщик.

– Я помню. Он меня растолкал грязными лапами. Я потом машинное масло с себя час смывала. Сказал, чтобы я положила ключ под ведро с песком, а он уезжает, потому, что умер его брат.

– Ты это точно помнишь?

– Я же не чеканутая. – Обиделась девушка.

– Но ты была сонная. – Допытывался Ерожин.

– Ну, ключ то я положила, куда он просил. Под ведро с песком положила. Значит помню. И отпечатки его лап тоже помню.

Больше из Алены Ерожину ничего вытянуть не удалось. Сказав на прощанье девице, что рад бы с ней провести время и потанцевать, но следствие требует его присутствия днем и ночью, Петр Григорьевич быстро удалился.

* * *

Татьяна Петровна Голикова первый год могла вставать, когда хотела. Ее будильник давно пылился на комод, поскольку нужда в нем отпала. Поначалу это чувство свободы ее радовало, но прошел месяц и женщина стала тосковать. Она теперь, без раздражения вспоминала даже своего начальника Илью Семеновича Кантера. Раньше, только при

упоминании его имени, она покрывалась красными пятнами и сжимала кулачки. А сейчас думала о нем почти с нежностью. Хотя характер начальник имел раздражительный и был он придирчив и не любезен, но ведь Кантер страдал диабетом. А с больного человека другой спрос.

Одинокой женщине на пенсии не весело. Это Татьяна Петровна поняла быстро. Когда она возвращалась усталая с работы, скучать не приходилось. Надо было накормить кота Тишку хеком, прибрать квартиру, погладить одежду на завтрашний рабочий день, наконец, приготовить ужин. Прodelав все это, она могла часок посмотреть телевизор, но уже в кресле от усталости засыпала. Теперь, времени было, хоть отбавляй, но радости это не приносило. Первый месяц ей еще звонили с работы, и новости по службе Татьяну Петровну живо занимали. Она даже с некоторой ревностью справлялась, как работает Соня Бутова, сменившая ее в должности. Но текли недели и служебные интересы отошли. С работы звонить перестали и зверства Ильи Семеновича Кантера канули в лета. Привычка к коллективу, выработанная годами, давала себя знать. И как не смешны, или мелки были интриги в этом коллективе, все же, они составляли жизнь одинокого человека.

Теперь Татьяне Петровне пришлось учиться жить с собой. Это оказалась весьма не простая наука. Ходить часто по театрам, или в концерты Татьяна Петровна не могла по меркантильным соображениям. Пенсии с трудом хватало на еду

и коммунальные платы. Гулять по магазинам, не имея возможности купить приглянувшуюся вещь, тоже дело довольно унизительное. Есть люди, которые любят глазеть на витрины, и часами таскаются из магазина в магазин, но Татьяна Петровна не принадлежала к их числу. Оставался телевизор. Но Голикова быстро поняла, что если уткнется в этот ящик на сутки, долго не проживет. Надо было искать другой выход. И дело начинающая пенсионерка себе нашла. Она пристрастилась посещать выставки. Вернисажей в Москве каждый день открывалась множество. С пенсионеров платы почти не брали, мэр Лужков дал пенсионерам возможность бесплатно разъезжать по Москве, и Татьяна Петровна ожила. Появилась необходимость вновь следить за своей внешностью, слушать объявления, и проглядывать рекламные проспекты, которые ей бесплатно записывали в ящик.

Вчера открылась осенняя выставка московских художников, и Татьяна Петровна собралась на Кузнецкий мост. Жила она в четырехэтажном доме, построенном в конце войны. Когда-то здесь была почти деревня и Татьяна Петровна бегала девочкой купаться в Москву реку. Потом Южный Порт превратился в автомобильный рынок, заводы и фабрики загрохотали реку и здесь, на Востоке она стала самая грязная. Но несколько лет назад произошло радостное событие. Рядом с домом Татьяны Петровны открылась станция метро «Кожуховская». И поездка в центр перестала требовать столько сил и времени. Татьяна Петровна еще с вечера пригото-

ла платье с кружевным воротничком. От дождя она запаслась зонтиком, и в одиннадцать утра вышла из дома. До метро она добралась за несколько минут. Новая линия в отличии от других была не так многолюдна. До центра Голикова доехала с одной пересадкой. На Кузнецкий Мост от метро Площадь Революции пошла пешком. Она любила пройтись по центру и посмотреть на красивый и праздничный город. Москву она обожала и радовалась, что город хорошеет. В холле Дома Художников она показала свое пенсионное удостоверение, и бесплатно миновала контроль. Народу в залах почти не было. Теперь, чтобы попасть на вернисажи не надо торчать в длинных очередях, как в былые советские годы. Сегодняшнюю молодежь серьезная живопись не интересует. Взрослым интеллигентам не до вернисажей, потому что заработать на кусок хлеба стало нелегко. А те, кто может себе позволить не только смотреть, но и покупать картины, посещают не вернисажи, а казино и бордели.

Татьяна Петровна полюбовалась на грустный деревенский пейзаж живописца Ковригина, постояла у портрета молодой барышни, вздохнула и перешла в другой зал. Там ее привлек натюрморт с ромашками Нелли Котовой. Таким веселым светом мерцало полотно, что Татьяна Петровна невольно улыбнулась.

– Вы любите картины. – Услышала она молодой звонкий голос.

– Конечно люблю. Ведь они красивые. – Ответила она и

оглянулась. Перед ней стояла девушка или очень молодая женщина, прекрасно одетая, с великолепным золотым браслетом на левой руке. Браслет изображал змейку, и глаза этой змейки сверкали маленькими изумрудиками.

– Какой прекрасный натюрморт с ромашками, я тоже им залюбовалась. – Сказала незнакомка, глядя в глаза Татьяны Петровны своими бархатными, темно синими зрачками. И хоть губы молодой женщины приоткрылись в улыбке, ее темные глаза оставались печальными и немного любопытными.

– Да, ромашки как живые. Светятся. Невозможно оторваться. – Согласилась Татьяна Петровна. Ей было приятно, что эта молодая и, видимо, богатая женщина с ней заговорила.

– А вы не видели пейзаж Горского. Пойдемте, я уверена, что вы и от него получите огромное удовольствие. – Предложила незнакомка и, взяв Татьяну Петровну под руку, повела ее в конец зала. Художник изобразил закат на Волге. Солнце опускалось за горизонт сквозь затопленную рекой колокольню.

– Здорово. – Согласилась Татьяна Петровна.

– Я знаю это место. Это Калязин. Старинный русский город на Волге. Мы с мужем там проплывали на пароходе. – Звонко сообщила незнакомая красавица.

– Как хорошо быть такой молодой и иметь возможность путешествовать. – С грустью ответила пожилая женщина.

– Увы, это все в прошлом. Моего мужа уже нет, а у меня

самой денег на путешествия не хватает.

Татьяна Петровна смутилась, от того что сказала бестактность:

– Не обижайтесь. Вы такая молодая и красивая, у вас еще все впереди.

– Может быть. Но сейчас мне очень одиноко. – Призналась незнакомка и добавила: – Пойдемте в кафе, выпьем по чашечке кофе. Здесь его сносно варят.

– К сожалению, должна отказаться. – Покачала головой Голикова: – Я пенсионерка и шиковать не могу.

– Какие пустяки. Я вас приглашаю. Это совсем не дорого. – Настаивала молодая красавица. Татьяна Петровна отнекивалась, но молодая женщина оказалась настойчивее. Они уселись за столик. Им подали кофе с пирожными. Женщины разговорились и познакомились. Молодую красавицу звали Нора.

– Вы напрасно думаете, что в вашем возрасте нет возможности встретить и полюбить мужчину. У меня есть примеры, когда женщины много старше вас счастливо устраивали свою личную жизнь. – Сказала Нора своей пожилой собеседнице, выслушав историю ее одинокой жизни.

– Это бывает только в кино. – Усмехнулась Татьяна Петровна.

– И вовсе нет. Не ставьте на себе крест, и все будет в порядке. – Ободряюще улыбнулась Нора.

– Ах, не говорите. Вот для вас, красивой и молодой, это

просто. – Возразила Татьяна Петровна.

– Увы, и для меня это нелегко. Поклонников у меня много, но должна вам признаться по секрету, что до смерти влюблена. – Тихо сообщила Нора.

– Это прекрасно! – Воскликнула Татьяна Петровна, радуясь за свою новую знакомую.

– Не совсем. – Покачала головой Нора.

– Он женат? – Огорчилась Татьяна Петровна.

– Нет, он вдовец. – Печально сказала Нора.

– Замечательно. Значит, ни что не мешает вашему счастью. – Пожилая женщина не могла понять, почему красивая и молодая женщина грустит.

– Может быть, когда-нибудь я вам и расскажу свою тайну. Вы часто ходите на выставки?

– Не меньше трех раз в неделю. – Призналась Татьяна Петровна.

– Как хорошо. Давайте сходим куда-нибудь вместе. Мне так одиноко, а с вами я чувствую себя, словно с близким человеком. – Предложила Нора и расплатилась с барменом.

– Спасибо милая. Мне тоже быть одной надоедает. Я с радостью приму ваше предложение, если вам такая старая тетка, как я, ни в тягость. – С воодушевлением ответила Татьяна Петровна.

– Вот и хорошо. Вы как домой?

– Я на метро. – Ответила Голикова.

– Жалко, а мне на троллейбус. Но я вас с удовольствием

провожу. — Предложила молодая красавица и записала телефон своей новой знакомой. Из выставочного зала они вышли под руки. Нора довела Татьяну Петровну до метро «Кузнецкий Мост», постояла немного. Затем достала мобильный телефон, набрала номер и сказала несколько слов в трубку. Через пять минут к ней подкатил огромный черный «бюик». Из лимузина выскочил водитель и распахнул перед Норой дверцу. Она забралась на заднее сидении, водитель вернулся на свое водительское место и «бюик» с затемненными стеклами плавно отчалил от тротуара.

* * *

Побеседовав с Аленушкой, Петр Григорьевич Ерожин пожелал побывать в квартире убитого. Он позвонил Никите Васильевичу Боброву и попросил открыть ему опечатанную квартиру.

— Смотри на здоровье. Козлов пришлет своего парня, и он откроет тебе дверь. Только не надейся, подполковник, найти там автограф убийцы. — Усмехнулся Никита Васильевич. Ерожин не обратил внимание на ироничный тон начальника с Петровки и покатил в Марьину Рощу. Пятиэтажный дом, прозванный в народе «Хрущевкой», Петр Григорьевич отыскал быстро. Хотя это было не просто, поскольку адрес имел пять корпусов и пятый, в котором жил Кирилл Андреевич, отстоял от улицы, указанной в адресе далеко. Ерожин признал

его по красному «мерседесу», что сиротливо стоял у подъезда. С ключами для Ерожина Волков прислал Диму Вязова. С молодым инспектором Петр Григорьевич был хорошо знаком. Когда-то они вместе «водили» машину Саркисова, помощника убийцы Фатимы. Петр Григорьевич помнил, что у Димы тогда родился сын и очень растрогал парня, спросив о его отпрыске.

– Уже на двух ногах топает. – Расплылся Дима.

Кирилл Андреевич до своей гибели, проживал на последнем пятом этаже. Дима сорвал печать, открыл Ерожину дверь и сказал, что подождет на улице. Подполковник благодарно кивнул и принялся за дело. Квартирка брата великого ученого была самой, что ни наесть обыкновенной. Если не считать коллекции сувенирных безделушек, украшавших нишу в традиционной мебелиной «стенке». Тут была и венецианская гондола с гребцами, и испанский бычок, готовый к схватке с тореадором, пластиковый Микки Маус и еще до черта всякой ерунды. Ерожин понял, что в советские времена Кирилл Андреевич работал на международных перевозках. «Вот когда он заработал на свой мерседес». – Сообразил сыщик.

В прихожей остался белый контур, очерченный оперативниками. Ерожин знал из отчета, что труп обнаружили в прихожей, но «чертеж» его заинтересовал. Не было сомнений, что хозяин квартиры открыл дверь и сразу получил пулю. Выходит, что он не ждал убийцу, и не собирался вести с ним

какие либо переговоры, а просто открыл дверь на звонок. Здоровый мужик, живший без опаски и страха, мог легко распахнуть дверь любому. Вполне можно предположить, что убийцу он вообще не знал. Больше ничего контур Кирилла Ерожину сказать не мог, и сыщик вернулся в квартиру. Понтелеева нашли в халате. Обнаружил его сосед по лестничной площадке. Из записи в деле сделанной со слов соседа, Петр Григорьевич знал, что сосед хотел занять у Кирилла хлеба, что между ними случалось. Дверь в квартиру оказалась открыта, и сосед напоролся на труп. Петр Григорьевич решил с соседом поговорить лично, но сперва, осмотреть жилье убитого. В квартире наблюдался жуткий беспорядок. Вещи, набросанные на тахту, выдвинутые ящики гардероба с вываленными носками и бельем создавали впечатление, что в квартире что-то искали. Но, возможно, беспорядок создал и сам хозяин торопливо подыскивая одежду к траурной церемонии. Для Ерожина пока оставалось загадкой, откуда в восемь часов утра Кирилл Андреевич мог узнать о похоронах и смерти брата. Если накануне он пил водку с друзьями и ни о чем не подозревал. На следующий день, в половине восьмого Веня искал у него выпить и обнаружил Алену. Тогда Кирилл тоже в город не собирался, а вдруг в восемь сорвался и полетел? Он хоть и опоздал на кладбище, но все же успел нахамить вдове. Судя по разбросанным вещам, он спешно искал подобающий похоронам гардероб. Петр Григорьевич сразу отметил пристрастие хозяина квартиры к ярким тряп-

кам. Красный пиджак, желтые и синие рубашки, ядовито песочный костюм, малиновые брюки, все это выдавало любителя яркой одежды. Петр Григорьевич осмотрел комнату, заглянул за шкаф, залез на стул и оглядел крышку шкафа. Ничего интересного сыщик тут не нашел и отправился на кухню. Здесь тоже створки шкафчиков остались распахнутыми. Петр Григорьевич уселся на табуретку и стал сантиметр за сантиметром оглядывать маленькую кухню холостяка. Ерожин подумал, куда он сам мог что-нибудь спрятать здесь, если бы захотел. Все шестиметровое пространство просматривалось как стекло. Петр Григорьевич чему то ухмыльнулся, встал и открыл духовку газовой плиты. Хозяйки обычно там держат сквородки. Но в духовке Кирилла Понтелеева сковород Ерожин не увидел. Там лежала синяя картонная папка, завязанная старомодными тесемочками.

«Странное блюдо собрался испечь покойный хозяин», подумал Петр Григорьевич и, спрятав папку к себе в кейс, двинулся в прихожую. Переступив контур убитого Кирилла, начерченный мелом на полу, он уже собрался уходить, но на всякий случай заглянул в ящик для ботинок. За башмаками, среди которых имелись кавбойские макасины с острым носком и высоченными каблуками Ерожин заметил связку ключей. Один из ключей был электронным. В пятиэтажке Понтелеева электронного замка не имелось. Там был обыкновенный наборный код, давно выломанный хулиганами. К дачке кооператива такой ключ тоже не мог иметь отношения. Да

и, по словам Алены, Кирилл не стал ее выгонять, а поручил гостье запирасть дом самой. Еще на связке оказались ключи от машины. Сыщик догадался что это запасной комплект. Петр Григорьевич решил найденные ключики конфисковать и резво спустился вниз. Подмигнув Вязову, он поиграл кнопкой сигнализации «Мерседеса», но система не сработала. Он подошел к машине и понял, что замки ее взломаны. Ерожин без труда забрался в «Мерседес». В бардачке лежали темные очки, открывалка для пива и комплект презервативов. Замок багажника так же оказался взломан, но и инструмент и запасное колесо покоились на своих местах. Прикрыв дверцы машины, сыщик вновь поднялся на пятый этаж и позвонил в соседнюю с Понтелеевым квартиру. Из нее вышел долговязый малый, лет тридцати семи, лысоватый и сутулый. Парня звали Евгением, и Ерожин помнил, что запись допроса соседа в деле имелась. Женя слово в слово повторил свои показания и было ясно, что фантазии он лишен вовсе и придумать ничего ни в состоянии. Но все же Ерожин пообщался с Женей не зря. Он выяснил, что именно сосед принял за два дня до приезда Кирилла телеграмму о смерти Валерия Андреевич, и сунул ее в дверь. В телеграмме стояли дата и время похорон. Ерожин понял, что Кирилл обнаружил в дверях телеграмму и начал торопиться. Выходит, что выезжая с дачи он времени похорон не знал. Но о смерти брата он откуда-то прослышал. Все это могло иметь отношение к убийству, а могло не иметь вовсе. Но Ерожину не нравилось, что

он не понимает, каким образом Кирилл получил информацию о смерти брата на своем дачном участке, около восьми часов утра. Это был прокол в его цепочке и Петра Григорьевича этот прокол раздражал. «Черт, у него же был мобильный телефон!? У дальнабойщика мобильник есть обязательно». – Подумал Петр Григорьевич и спустился вниз. Дима Вязов сидел на скамейке под начинающим желтеть кленом и пускал мыльные пузыри с перемазанным краской карапузом. Неподалеку стояла оперативная машина с Петровки.

– Дима, ты был на даче с группой? – Спросил он Вязова, возвращая ему ключи от квартиры убитого.

– Какой дачи? – Не понял Вязов.

– Дачи Кирилла Андреевича Понтелеева в Правде. – Уточнил Ерожин.

– Дяденька, отдай пускалку. – Потребовал карапуз. Дима вернул малышу оружие стреляющее мыльными пузырями и задумался:

– Коля Маслов ездил. Я был выходной.

– Свяжись с Масловым. – Попросил Ерожин, и протянул Диме свой мобильный.

Коля Маслов быстро вспомнил, что трубку Пантелеева нашли в спальне на качалке, но она оказалась совершенно разряженной. А отпечатки пальцев на ней принадлежали убитому. Выходило, что воспользоваться мобильным телефоном Кирилл с утра возможности не имел. Тайна, откуда Понтелеев получил информацию о смерти брата, осталась

тайной.

Вязав пошел печатывать квартиру. Ерожин распрощался с ним и поехал в город. Стрелки часов перевалили за семь вечера, и диспетчер Наташа заступила на пост. На автобазе в это время было гораздо веселее. Водители возвращались с рейсов и многие тут же успевали «культурно отдохнуть». Наташа сидела в небольшой комнате над директорским кабинетом, и из ее окон просматривался весь гараж. Ерожин сразу оценил вкус Кирилла. Юбку Наташа носила короткую и от ее точеных коленочек трудно было отвести взгляд. Густые темно русые волосы, собранные в пучок, делали ее маленькую головку загадочной и гордой. Петр Григорьевич наметанным глазом отметил, что шейка и грудь девушки тоже вполне отвечает самым высоким требованиям. По пяти бальной системе, некогда применяемой Ерожиным к представительницам прекрасного пола, Наташа тянула на отличницу. Рядом с ней сидел конопатый подвыпивший парень лет тридцати и, сверля девушку масляными глазками, пытался рассказывать какую-то смешную байку о своей находчивости. Видно было, что Наташу ухажер интересовал мало, но она не хотела обижать парня и что-то молча писала в своих деловых бумагах.

– Вы Наташа Корнеева? – Спросил Ерожин для порядка.

– Я. – Наташа подняла на сыщика свои серые внимательные глаза, и Ерожин понял, что краснеет.

– А ты откуда такой взялся. – Сурово спросил конопатый

и грозно приподнялся со стула.

– Да вот с девушкой пришел поговорить. – Серьезно ответил Петр Григорьевич.

– Знаешь ты, батя, лучше вали отсюда, пока я не рассердился. – Предупредил суровый посетитель диспетчерской.

– А что будет, если ты, сынок, рассердишься? – Улыбнулся Ерожин.

– Напрасно лыбишься. По хорошему не понимаешь, придется поучить. – Бурея лицом, уже совсем грозно заявил конопатый.

– Может быть, мы куда-нибудь выйдем, чтобы не мешать молодому человеку. – Продолжая улыбаться, предложил Петр Григорьевич девушке.

– Я тебе сейчас, падла, выйду! – Ухажер поднялся со стула и кулаком замахнулся на Ерожина. Наташа не видела удара, она только заметила, как ревнивый молодец обмяк и повалился на пол. Петр Григорьевич постоял немного, раздумывая, что теперь делать, затем взял парня под мышки и усадил на стул:

– Ну вот. Пусть немного отдохнет, а мы с вами поговорим. Можно я тоже сяду? – Пристроив ревнивца, спросил Ерожин, Наташа молча кивнула. Она до сих пор не могла понять, что здесь произошло.

– Я подполковник милиции и частный сыщик. По просьбе ваших водителей занимаюсь поиском убийцы Кирилла Понтелеева. Слыхал, что вы были знакомы. Помогите мне. – По-

просил Ерожин, заглядывая во внимательные серые глаза, в которых он заметил нечто новое, что-то вроде улыбки. Видно, Наташа наконец поняла, каким образом он усмирил навязчивого ухажера. Но услышав имя Кирилла, серые глаза девушки вновь посерьезнели.

– Это жуткая история. – После некоторого раздумья, сказала она.

– Что вы имеете ввиду? – Петр Григорьевич умел прикидываться простачком...

– Ну, это убийство. До сих пор не могу поверить. – Наташа встряхнула своей маленькой головкой и замолчала.

– Вы его любили? – Бестактно спросил Ерожин.

– Я его да. Он меня нет. – Просто ответила девушка: – У нас неделю назад состоялся разговор, и мы с Кириллом расстались.

– Почему это произошло, если не секрет?

– Ни секрет. Обыкновенное банальное бабье условие. Я сказала, что больше так с ним встречаться не хочу. Если любит, пусть женится. Он рассмеялся, и я его выгнала. Вот и все. – Наташа говорила спокойно, но Ерожин видел, что это спокойствие деланное. Наташа старалась держаться. В это время конопатый, пришел в себя, замычал, сполз со стула и быстро стал тереть посиневшую скулу.

– Господи, да у него скула синяя. – Взглянув на мычащего парня, испуганно прошептала Наташа. – Он когда падал, нечаянно на мой кулак напоролся. – Возвращая конопатого

на стул, пошутил Ерожин, – Еще хорошо отделался. Если бы я сюда ваших шоферов позвал, он бы не только скулу тер.

– Вы себе нажили врага. Фирсов парень злопамятный. – Покачала головой девушка.

– Хватит обо мне. Скажите, говорил ли когда-нибудь с вами Кирилл Андреевич о своем брате?

Наташа еще некоторое время продолжала испуганно смотреть на конопатого, потом отвернулась и, подумав, ответила:

– Брата он любил.

– Почему вы так думаете? – Ерожин взял свой стул и подвинул его ближе к диспетчеру.

– Он каждую неделю на Большую Димитровку к брату ездил. Краны чинил, ковры пылесосил, продукты проверял. Часто меня брал, и я помогала. Красивый дом, напротив булочной. Квартира большая. Но его престарелый брат один жить не мог. Академик как ребенок несмышленный. Все забывал, путал. Кирилл и за дачей в Барвихе следил.

– Академик в маразм впал. – Предположил сыщик.

– Нет, просто ученый. Кирилл рассказывал, что брат всегда таким был, еще с детства. – Улыбнулась Наташа. Петр Григорьевич невольно ей залюбовался. Когда девушка улыбалась, она становилась, особенно, хороша.

– А что это, за женитьба? Как Кирилл к женитьбе брата отнесся? – Ерожин заставил себя не глядеть на девушку, а работать. Конопатый неожиданно поднялся и быстро вышел

из диспетчерского кабинета. Наташа проводила парня настоящим взглядом, и только потом ответила:

– Женильбой брата Кирилл очень гордился. Ему Валерия Андреевича жена понравилась. – И Наташа снова улыбнулась.

– Понравилась? – Удивился Ерожин. По скандалу на кладбище такой вывод не сделаешь: – С чего вы это взяли?

– Он одни ножки ее видел. Но для Кирилла в женщине это главное. – Горько усмехнулась бывшая подруга убитого.

– Не понял, как ножки? – Переспросил сыщик.

– У Кирюши ключи от квартиры и дачи академика всегда в машине лежали. Он заглянул к брату днем, хотел с женой познакомиться. В дверь позвонил, ему не открыли. Он тогда решил, что дома никого нет и со своим ключом вошел. А они в спальне. Вот он и увидел, как ее голые ножки мелькнули и под одеяло спрятались. По ножкам и судил. А в лицо жену Валерия Андреевича он так и не увидел.

– Увидел. – Грустно возразил Ерожин и снова покраснел:.

– Вы мне не дадите ваш домашний номер? Вдруг, возникнут какие-нибудь вопросы...

Наташа взяла со стола незаполненный путевой лист и быстро написала свой телефон. Петр Григорьевич поблагодарил и попрощался. На улице давно стемнело. Сыщик вышел из проходной, кивнув охраннику, и направился к машине. Возле его «Сааба» стояло трое здоровенных бугаев. В одном из них Ерожин признал конопатого. Троица медленно

двинулась ему навстречу. Петр Григорьевич полез в карман, достал маленький английский пистолет и выстрелил в воздух. Рты у бугаев раскрылись. Они молча попятились назад, и бросились наутек.

Сыщик спрятал пистолет в карман, Подошел к машине и уже хотел усестся за руль, но что-то его остановило. Он еще раз внимательно огляделся и понял, что все колеса его «саба» спущены:

– Вот бляди. – Не сдержался Петр Григорьевич, хотя даже и при более трагических обстоятельствах, ненормативной лексики избегал. Затем немного поостыв, достал мобильный телефон, предупредил жену, что задержится, и полез за запаской. Но быстро сообразив, что одной запаской тут не отделаешься, вызвал Глеба. К часу ночи они вдвоем с подлюстью конопатого ревнивца справились. Дома о причине своей задержки, подполковник рассказывать воздержался. Надя осталась уверена, что муж до глубокой ночи шел по горячему следу преступника.

* * *

После юбилейного вечера Фридрих Эдуардович Мюллер из спальни не выходил долго. Его настенные часы давно пробили полдень, а он продолжал нежиться в постели. Проснулся старик давно, но вставать не желал. Наглухо задвинутые, тяжелые шторы света не пропускали, и что делается на ули-

це, он знать не мог. Профессор зажег лампу на тумбочке. Игривая бронзовая Диана, в одной руке держала лук со стрелами, а в другой несла золотистый абажур с бисерной бахромой. Мягкий свет этого абажура осветил изголовье кровати и часть тумбочки с книгами и журналами. Мюллер, не глядя, поворошил в них рукой и вынул лондонский театральный еженедельник. Потом еще раз поводит рукой, нащупал сафьяновый футляр, и добыл из него свои очки. Профессор прекрасно читал по-английски, и минут сорок с удовольствием изучал критические обзоры, напечатанные в еженедельнике. Затем ему это наскучило, и он раскрыл томик Цвейга. Розы, подаренные ему вчера незнакомкой, навели на мысль о знаменитой новелле немца. На пол часа чтения его хватило, но лежебока понимал, что вставать все же придется. Пора завтракать и готовиться к походу в Большой. Сегодня там давали генеральный прогон балета, и Мюллера ждали. Толстый театральный журнал заказал профессору рецензию на этот балет, и Мюллер обещал написать. А уж если Мюллер что-нибудь обещал, можно было не сомневаться, что слово свое он сдержит. Пунктуальность и добросовестность Мюллер получил с кровью немецких предков.

«Возраст есть возраст». – Сказал сам себе профессор и, потянувшись, медленно приподнялся на постели. В гостиной за дверью глухо звонил телефон, но старик не обращал на него внимания. Облачившись в халат, Фридрих Эдуардович прошествовал в ванную и открыл кран. Пока он брил-

ся, ванна наполнилась. Он побрызгал в воду пенного хвойного экстракта и погрузил в пену свое сухопарое тело. Телефон звонил, не переставая, но Мюллера это не тревожило. Он знал, что это друзья звонят выяснить, пережил ли он ночь после юбилея. «Не дождетесь». Вспомнил он фразу известного анекдота и прикрыл глаза. В своем воображении Фридрих Эдуардович опять, в который раз увидел лицо синеглазой девушки с фотографии. Мюллеру очень хотелось с утра пойти в кабинет, достать из потайного ящичка карточку и еще раз на нее посмотреть. Но старик сдержался: — «Не хватает мне на старости лет еще влюбиться в незнакомую деву». Подтрунивал он над собой. Но образ с фотографии прогнать от себя не мог. Ванная помогла войти в форму. Фридрих Эдуардович почувствовал прилив сил и зверский голод. Деликатесов от юбилея осталось в избытке и он, отказавшись от традиционной чашки кофе, плотно позавтракал. До пяти работал в кабинете. Перед сегодняшним прогоном надо было освежить в памяти все прежние постановки балета. В половине шестого позвонили из дирекции театра и сказали, что к шести высылают за профессором машину. Мюллер поблагодарил и пошел одеваться. К шести он был в смокинге, белоснежной рубашке и при бабочке. Автомобиль подали во время. В восемнадцать ноль, ноль водитель позвонил в дверь, и Мюллер поставив квартиру на охрану, спустился с ним вниз.

Билеты на вечерний спектакль не продавались, это был

закрытый прогон для прессы и на него рассылали приглашения. Поэтому в холле, фая, и буфетах можно было встретить массу известных лиц. Мюллеру приходилось без конца раскланиваться. Вокруг профессора моментально собирался кружок любопытных. Балетоманы и журналисты пытались узнать заранее, что он думает о постановке. Профессор шутил и отнекивался. В половине седьмого Мюллера проводили к его ложе. Администратор впустил профессора и прикрыл за ним дверь. Обычно Фридрих Эдуардович смотрел представление в одиночестве. Постановщики знали, что знаменитый критик должен иметь возможность сосредоточиться. Ведь в театре Мюллер работал. Но сегодня было не так. В его ложе уже сидела какая-то красotka в великолепном вечернем платье и в театральный бинокль разглядывала публику в партере.

– Простите, мадам, вы случайно не ошиблись местом? – Не очень любезным тоном поинтересовался старик. Красotka оглянулась, и профессор окаменел. На него смотрели бархатные синие глаза девушки с фотографии:

– Простите, я сейчас уйду. Я думала это сделать раньше, но не успела. Мне очень хотелось посмотреть на сцену с того места, с которого станет смотреть балет профессор Мюллер.

– Вы Нора? – Тихо спросил Фридрих Эдуардович. Красавица поднялась и попыталась выйти, но Мюллер загородил проход:

– Я вам очень благодарен за розы. Они мне доставили

огромное удовольствие. Сделайте одолжение, останьтесь со мной на спектакль в этой ложе.

– Спасибо Фридрих Эдуардович. Я об этом не могла и мечтать. – Виновато улыбнулась Нора и поправила прическу обнаженной рукой.

– Какой у вас великолепный браслет! Не позволите его рассмотреть? – Восхитился Мюллер, заметив золотую змейку на запястье девушки. Нора легко сняла свой браслет и протянула профессору.

– Франция. Расцвет Империи. Поздравляю, настоящее произведение искусства. Да и глазки изумрудики из шахт колониального Конго. Откуда у вас эта очаровательная вещица? Да что же мы стоим?! Присаживайтесь ради бога. – Затараторил профессор, смущенный собственной неловкостью Нора уселась в кресло, Мюллер остался стоять.

– А вы, Фридрих Эдуардович? – Тихо спросила она.

– С удовольствием, если позволите.

– Так это же ваша ложа. – И Нора ели заметно улыбнулась. Мюллер, наконец, сообразил вернуть браслет:

– Не люблю расставаться с красивыми вещами. – С трудом нашелся старик.

– Хотите я вам его отдам. Подарить не могу. Это подарок погибшего мужа, а дать так, вроде на время, пожалуйста. – Предложила она.

– Помилуйте, я же не дама. Что же мне с ним делать. – На полном серьезе изумился он. Люстры Большого стали мед-

ленно затухать. Заиграл оркестр и Фридрих Эдуардович постарался настроить себя на работу. Но ему было очень трудно отвести взгляд от шейки Норы. Мюллер чувствовал запах удивительных терпких духов. Это были очень дорогие французские духи. Старик имел удивительную память на ароматы. Этот аромат поразил его в казино Ниццы, куда друзья на десять минут привели профессора для экскурсии. Так пахло от шикарной старухи в белом парике. Мюллер тогда подумал, что видит идеальную Пиковую даму. В России этих духов он не встречал. Балет начался, но сосредоточиться профессор не мог. Профиль Норы сильно отвлекал. Хотя опытный глаз и ухо критика автоматом фиксировали все, что происходило по ходу спектакля. Ему не очень нравилась постановка. Вообще, ему все не очень нравилось в этом театре после ухода Григоровича. Мюллер почитал того за гения, и понимал, что таких вершин, как при великом балетмейстере, он больше не дожидается. Но рецензию писать предстояло, и профессор старался вникнуть в действо на сцене.

– Мне кажется вы не в восторге? – Спросила Нора, когда наступил первый антракт и Мюллер без энтузиазма три раза хлопнул в ладоши.

– Вообще-то я свое мнение до финального аккорда никогда не высказываю, но Вы удивительная девушка, поэтому, Вам признаюсь, что праздника души я сегодня и не ждал. Старательно, грамотно, иногда мило, ну вот и все. Поглядим, что будет дальше. – Грустно сообщил Мюллер.

Профессор хотите шампанского? Ведь я сейчас могу по настоящему выпить за Ваш юбилей. Вчера я это сделала заочно. – Неожиданно предложила Нора.

– Конечно. Я вас приглашаю в буфет. – Поспешил взять инициативу Мюллер.

– Зачем нам выходить. Там Вас у меня украдут. – Нора вынула из сумочки мобильный телефон и, пройдясь по кнопкам, что-то тихо сказала в трубку. Через несколько минут к ним в ложу постучали, и мужчина средних лет в малиновом пиджаке и белых перчатках внес на подносе бутылку шампанского и нарезанный кругами ананас в вазочке. Поставив поднос на бортик ложи, он ловко откупорил бутылку, и разлил шампанское по бокалам. После чего молча поклонился и вышел.

– Вы случайно не Фея из нашего балета? – Изумился Мюллер.

– Я просто женщина, которая сегодня счастлива. Я даже не могла мечтать, что увижу вас рядом. За Ваше здоровье, Фридрих Эдуардович. Живите еще сто лет. – Сказала Нора и пригубила бокал, затем потешно сморщила носик и выпила до дна.

«Господи, какая же она прелесть»! Подумал Мюллер и тяжело вздохнул.

– Не вижу огня в глазах юбиляра? К чему эти тяжелые вздохи? Поняла... Вам со мной скучно.

– Боже мой! Как Вам такое могло придти в голову. Совсем

наоборот. Я пожалел, что мне не тридцать. Вот поэтому и вздохнул. Рядом с Вами грустно быть стариком. – Признался профессор.

Фридрих, можно мне так вас называть? – Спросила Нора. Профессор растаял и поцеловал ей ручку.

– Фридрих... – продолжала Нора: – Если вы еще раз при мне пожалуйста на свой возраст, вы меня больше не увидите. Мне ваш возраст нравится. Мне он не мешает. Вы прочли мое письмо?

– Я прочел и понял, что это милая трогательная шутка романтично настроенной барышни. – Улыбнулся Мюллер.

– Вы ничего не поняли. Вы такой же толстокожий, как все мужики. А я придумала себе совсем другого Фридриха. Я вам написала правду. Сегодня мы встретились из-за моей неосторожности. Но я давно преследую вас. Я бываю на всех спектаклях, где бываете вы. Я читаю все ваши рецензии. Я даже знаю расписание ваших лекций и часто провожаю вас до дому после них. Я вас люблю. И не как призрака, а как мужчину – Тихо, но страстно шептала Нора. Антракт давно кончился, оркестр играл, на сцене танцевали артисты балета, а Мюллер сидел и смотрел в темно-синие бархатные глаза красавицы. Она подвинулась к нему, обвила его голову своими руками и поцеловала в губы. Фридрих Эдуардович почувствовал сладкую дрожь во всем теле, терпкий запах французских дорогих духов и легкий холодок на виске от браслета Норы, маленькой золотой змейки с изумрудны-

ми глазками, которой он так восхищался при первых минутах их встречи.

* * *

За утренним завтраком Надя поглядывала на мужа с любопытством. Таким злым и неразговорчивым она своего подполковника наблюдала редко. Надя догадывалась, что вчера ночью у супруга что-то не заладилось, но спрашивать не стала. Петр всегда все рассказывал ей сам. Петр Григорьевич сидел за столом, капризно надув губы, и о чем-то думал. Надя помнила, что однажды он вместо соли сыпал на котлету сахар, и внимательно следила за его движениями. Но все обошлось. Петр дожевал бутерброд, допил кофе и даже поцеловал Надю в шейку. Это означало, что его раздражение к ней не относится.

– В офисе меня сегодня не ждите. Управляйтесь сами. – Сказал на прощанье раздраженный муж и покинул квартиру.

Спустившись вниз, Ерожин уселся в свою машину, но движок не завел. Сыщик залез в карман куртки, извлек связку ключей, конфискованную в квартире Марьиной Роши, и стал их внимательно разглядывать. «Скорее всего это ключи от замков квартиры и дачи академика, брата Кирилла Андреевича». – Подумал он. Ерожину очень захотелось туда попасть. Но квартира на Большой Дмитровке и дача в Барвихе опечатаны не были, в деле об убийстве Кирилла не фигури-

ровали и, после смерти академика, принадлежали его вдове. Поэтому самовольно забраться туда, не нарушая закона, сыщик не мог.

— Что же, поговорим с вдовой. Рано или поздно это сделать придется, так к чему откладывать... — Сказал сам себе подполковник, включил зажигания и поехал на Большую Дмитровку. По словам диспетчера Наташи, дом академии наук находился напротив булочной. Ерожин быстро этот дом обнаружил. Солидный сталинский дом, построенный еще до войны, имел семь этажей и три подъезда. Петр Григорьевич извлек свой блокнот и отыскал в нем телефон вдовы, записанный в кабинете администратора Академии Наук. У каждого района Москвы телефонный номер начинается с определенных цифр. Ерожин, много лет отработав в Министерстве Внутренних Дел, прекрасно порядок этих цифр знал. Номер вдовы не мог относиться к Большой Дмитровке. Ерожин позвонил на Петровку, попросил Боброва, дать ему адрес Марины Васильевны Понтелеевой, и продиктовал ее телефон. Оказалось, что вдова проживает вовсе не на Большой Дмитровке, а на улице Генерала Ермолова. Это сыщика озадачило и ему еще больше захотелось попасть в квартиру академика.

«Тут в каждом подъезде, наверняка сидит по консьержке. Мимо этих мыр незаметно не проскочишь». — Предположил Ерожин и стал думать, как преодолеть это осложнение. До незаконного акта посещения академической квартиры

сыщик уже дозрел. Он пошарил по своим карманам и нашел мятый бланк путевого листа с домашним номером диспетчера Наташи. Увидеть девушку еще раз Петру Григорьевичу очень хотелось, но он от себя эти мысли гнал. Но когда нашелся реальный предлог, он за него с удовольствием ухватился. Наташа только что проснулась после ночной смены, но Ерожина узнала, и была с ним приветлива.

– Я за вас вчера беспокоилась. Клим Фирсов парень заводной, и дружки у него подходящие. Боялась, что они надумают что-нибудь нехорошее. – Призналась девушка.

Ерожину было приятно, что она о нем думала, но рассказывать о ночном приключении он не стал. Наташа жила на Преображенке, подполковник записал адрес и покатил к ней. Дом диспетчера Ермоловой стоял недалеко от Преображенского рынка. Петр Григорьевич зашел на рынок. Сначала он подумал о цветах, но от этой мысли быстро отказался. Приход к девушке с цветами прямо указывал на ухаживание, а подполковник свою симпатию к Наташе пытался скрыть даже от себя. Он быстро пробежался по рядам, и остановился возле лотка кавказца. Ему приглянулись груши. Желтовато-золотистые плоды с оранжевыми бочками просились на натюрморт художника. Петр Григорьевич отобрал самые красивые и расплатился.

На звонок в дверь, диспетчер вышла сама. Но когда Петр Григорьевич очутился в прихожей, в коридоре открылась еще одна дверь и из нее высунулась сгорбленная старуха в

ночной рубашке:

– Опять старого мужика завела. – Проворчала старуха и, громко захлопнув за собой дверь, скрылась.

– Не обращайтесь внимание. Бабушка у меня не совсем здорова головой и поэтому иногда говорит несуразные вещи. – Без всякого смущения предупредила Наташа. Она проводила его в комнату и, поблагодарив за груши, спросила:

– Кормить?

– Если только кофе. – Улыбнулся Ерожин.

– Тогда пошли сразу на кухню. – Сказала Наташа и первой вышла.

– А ваша бабушка не будет недовольна? – С опаской поинтересовался подполковник.

– Она никогда не выходит из своей комнаты, если у меня кто-нибудь есть. – Успокоила Наташа гостя. Петр Григорьевич уселся за столик. Маленькая кухонька обыкновенной панельной клетки сияла чистотой. Все было опрятно и мило. Никаких безделушек, кроме огромной бабы на чайник, Ерожин не обнаружил. Сама Наташа хозяйничала в цветастом передничке, который ей очень шел. Следов ночной смены на лице девушки сыщик не заметил. Наташа была свежа и хозяйничала ловко. Ерожин невольно ей залюбовался и вдруг вспомнил, что его первую жену звали так же.

– У меня к вам дело. – Начал Петр Григорьевич, дождавшись, когда хозяйка закончила с приготовлениями, разлила кофе и уселась за стол: – Но должен признаться, что очень

рад вас видеть.

– Я тоже. – Ответила Наташа и улыбнулась: – Ой, я забыла помыть и подать груши! – Вспомнила она и вскочила с места.

– Я груши не ем, они для вас, поэтому сидите. – Остановил ее Петр Григорьевич.

– Тогда давайте завтракать. Ветчина сыр, берите, или за вами надо ухаживать? – Спросила Наташа серьезно.

– Могу сам, но когда за тобой ухаживает такая очаровательная хозяйка, это куда приятнее. – Усмехнулся Петр Григорьевич и получил бутерброды с сыром и ветчиной.

– Теперь рассказывайте, зачем я понадобилась и чем могу помочь? – Спросила Наташа, дождавшись, когда Ерожин допьет кофе и расправится с закуской.

– Я хочу попасть в квартиру брата Кирилла на Большой Дмитровке. Как частный сыщик, я на это право не имею, но у меня есть ключи. Я думаю, что они именно от этой квартиры. Вы там бывали, и консьержка вас, наверняка, запомнила. Вы можете провести меня, как слесаря, или электрика, или еще как, и это не вызовет подозрения. К тому же, вы застали квартиру, до женитьбы академика. Я бы хотел знать, что в ней изменилось после его брака.

Наташа на минуту задумалась, потом кивнула:

– Это можно. Там сидят посменно две вредные тетki, но они обе очень хорошо относились к Кириллу и за одно ко мне. Только, им надо придумать что-нибудь правдоподобное.

Придумывать ничего не пришлось. Пожилая дама в пенсне, охранявшая подъезд академического дома, увидев Наташу, чуть не бросилась к ней в объятия:

– Господи! Горе-то какое, Наташенька. Кирюши то тоже теперь нет. Весь род их закончился. – Когда они садились в лифт, лифтерша еще продолжала причитать.

Догадка Ерожина подтвердилась, ключи к замкам академической квартиры подошли. Но на связке оставалось еще два ключа. Подходящих замков для этих ключей Ерожин не обнаружил и про себя сей факт отметил. В холле было темно, но Наташа помнила, где включается свет, и Ерожин осмотрелся. Сразу было заметно, что семья Понтелеевых принадлежала к аскетам. В холле не имелось ни картин, ни мягких удобных кресел. Возле вешалки, на которой продолжало висеть несколько мужских пальто и плащей, стоял жесткий кожаный стул и валялись домашние тапочки. Паркетный пол, местами с потертым лаком лежал тут с времен строительства дома, и им никто никогда не занимался. Ничего близкого к новомодным «евроремнтам» подполковник в академической квартире не увидел. Лишь книги в холле напоминали о принадлежности жилья ученому хозяину. Стен, как таковых в холле не было. Стены состояли из книжных полок. Осмотрев холл, Петр Григорьевич прошел коридор и попал в кухню. Это была просторная кухня со старой газовой плитой и холодильником «ЗИЛ». Не смотря на возраст, ветеран «легкой» промышленности Советского Союза выглядел со-

лидно и пристойно. Над овальным обеденным столом низко висел матерчатый абажур. Вместо теперешней кухонной мебели, состоящей из мойки и подвесных шкафчиков, покойный академик пользовался громоздким резным дубовым буфетом и раковиной. При кухне существовала маленькая темная комнатка. Она предназначалась для кладовки, или прислуги. Ерожин заглянул в нее и увидел вместо банок с вареньями, кипы научных журналов, перевязанные крученой бумажной веревкой. Судя по пыли, в кладовку не заглядывали лет пять. Наташа сопровождала Ерожина в его исследовании, но никаких изменений после брака академика, в кухне не нашла. Покончив со старомодным блоком питания, сыщик вышел в коридор, и заметил еще одну дверь:

– А здесь что? – Спросил он у Наташи.

– Здесь когда-то жили Валерий Андреевич и Кирилл. После смерти их отца, эта комната принадлежала Кириллу. – Ответила девушка и открыла «детскую». Небольшая комнатка мебели почти не имела. Над маленьким низким диванчиком висели боксерские перчатки. Стены украшали портреты знаменитых спортсменов и смазливых девочек. Это были вырезанные обложки журналов и календари.

– Погляди внимательно, все ли тут на месте? – Попросил Ерожин.

Наташа медленно обошла комнатку, оглядела стены и возле тахты остановилась:

– Нет карточки Кирилла. – Сказала она, словно что-то

вспоминая. Потом тряхнула своей маленькой головкой и повторила убежденно:

– Нет фотографии, где Кирилл снят с Валерием Андреевичем. Я у него эту карточку просила. Кирилл не дал. – Наташа хотела добавить, что другую она все же получила, но решила, что это к делу не относится.

Ерожин отметил пропажу снимка в блокноте, вернулся в холл, раскрыл двойные двери с темными матовыми стеклами и очутился в огромной гостиной. Посередине гостиной стоял массивный круглый стол на толщенной ноге, центр столешницы прикрывала маленькая скатерка, а на ней покоилась лампа. Лампа состояла из круглого гранитного основания, высокой латунной трубы и линялого, выгоревшего абажура. Стол окружали семь стульев, точно таких же, как стул в холле у вешалки. Ерожин провел по столу пальцем, и оставил легкий след. «Недели две не протирали» – Прикинул сыщик. Кроме стола в гостиной у стены возвышался огромный дубовый сервант, на верхней полке которого, пылилась большая фарфоровая ваза в виде белого лебедя. Простенок между окнами гостиной, занимало несуразное огромное кожаное кресло с протертыми подлокотниками и драной спинкой. Стены здесь, так же, как и в холле состояли из книжных полок, до отказа забитых старыми книгами.

– Квартира больше смахивает на библиотеку, чем жилье. – Заметил Петр Григорьевич.

– Может быть. Но тут все так и было. Ничего нового я не

вижу. – Сказала Наташа и присела на краешек кресла.

– А там что? – Спросил Ерожин, указав на двери, ведущие из гостиной.

– Справа кабинет Валерия Андреевича, а слева спальня. – Ответила Наташа. Ерожин прошел в кабинет. Огромный письменный стол занимал почти всю комнату. Он был завален книгами и научными журналами. Украшали этот бесконечный стол старинная чернильница с бронзовой охотничьей собакой и пожелтевшая фотография в овальной рамке. С фотографии на Ерожина смотрело молодое женское лицо в круглых очках. Женщина имела стрижку по моде пятидесятих годов и была одета в строгое платье с белым отложным воротничком. В левом нижнем углу карточки чернилами, Ерожин прочитал одно слово «Нора».

– Наташа, ты не знаешь, кто на карточке? – Спросил Петр Григорьевич.

Наташа тихо вошла в кабинет и ответила:

– Это его первая жена. Она попала под машину, когда ей не было и сорока.

Ерожин услышал, что голос у Наташи стал глухим, посмотрел ей в лицо и заметил на ее глазах слезы.

– Прости, что я тебя сюда привез. Понимаю, ты вспомнила своего любимого? – Сказал Ерожин.

– Нет, дело не только в Кирилле. Просто тут очень грустно. Жил человек, работал, а теперь пустота. – Ответила Наташа и попробовала улыбнуться. Ерожин подошел к ней, до-

стал из кармана платок, вытер Наташе слезы и поцеловал ее в губы. Она не противилась. Петр обнял девушку и привлек к себе. Она прижалась к нему и дрожала. Он расстегнул на Наташе кофту и стал целовать ей шею, грудь, повалил на стол. Со стола посыпались книги и журналы. Наташа не сопротивлялась, и не отвечала на его страсть, но Петр остановиться уже не мог. Он почувствовал, что звереет и, впившись в горькие от слез губы, сорвал с девушки белье. Она вскрикнула и затихла.

– Ну и что дальше? – Спросила Наташа, когда Ерожин нежно поцеловав ее в плечо, снял со стола и усадил в кресло академика.

– Дальше? Тут есть ванная? – Виновато улыбнулся сыщик.

– Ванная тут есть. Ты хочешь, чтобы я тебя туда проводила?

Ерожин кивнул. Наташа встала, поправила на себе одежду и вышла из кабинета. Ерожин пошел за ней. Ему было немного стыдно за свой поступок, но он не раскаивался. Ему было хорошо. Она привела его в большую темную ванную комнату и зажгла свет. Огромная чугунная ванна не сияла белизной, но душ работал нормально. Наташа хотела выйти, но Петр ее удержал, обнял и раздел. Затем разделся сам и пустил душ. Он поднял девушку, поставил под струи и забрался под душ сам.

– Какая ты красивая. – Сказал он, любуясь ее телом.

– Ты как Кирилл. Тебе нужна красивая вкусная вещь, а я

живой человек. — Сказала Наташа, грустно глядя в глаза Петра Григорьевича своими внимательными серыми глазами.

— Давай не будем об этом. — Ответил Ерожин и, зажав ей губы ладонью, принялся целовать ей грудь и живот. Девушка прикрыла глаза и тоже обняла его. Они не помнили сколько прошло времени. Наташа вздрогнула от продолжительного звонка в передней.

— Кто бы это мог быть? — Спросил Петр.

— Не знаю. — Испуганно ответила она.

Ерожин за секунду натянул на себя рубаху и брюки и побежал в прихожую. Заглянув в глазок, он увидел лифтершу с здоровенной кипой газет и журналов. Петр отворил дверь и сказал, что Наташа отмывает ванную и сейчас выйти не может.

— Ладно, не тревожь Наташеньку. Возьми вот это, а то возле ящика гора. Академику по сто журналов в месяц по-прежнему носят. К почте не подойти.

— В квартире пыль, полы не мыты, что жена академика хозяйкой оказалась неважной? — Спросил Ерожин, принимая, из рук лифтерши, кипу печатной продукции.

— Да она тут и была все раз пять. Но я думала, что она свою дочку убирать присылает. А по вашему уборки выходит и не было... — Ответила лифтерша.

— Значит, жену себе Валерий Андреевич завел приходящую?

— Я вообще, не понимая, зачем он женился. Как ходил в

разных ботинках бобылем, так и при ней. Но научные люди каждый со своими прибаумбасами. Я тут за пятнадцать лет работы и не такое видела.

– Вы сказали, что она дочку присылает? Что маленькая девочка?

– Кобыла выше меня. Самой давно замуж пора. – Раздраженно возразила лифтерша.

Петр Григорьевич поблагодарил строгую даму и вернулся в квартиру.

– Кто это был? – С тревогой спросила Наташа, выйдя в коридор. Она уже успела одеться и выглядела прекрасно.

– Лифтерша почту принесла. – Ответил Ерожин и улыбнулся. В глазах Наташи слез больше не было.

– И что мы будем делать дальше? – Повторила свой вопрос девушка, но звучал он теперь совсем не так мрачно, как в кабинете на письменном столе академика.

– Дальше, доработаем квартиру. – Ответил Ерожин.

– Это у вас сыщиков, так называется? – Грустно поинтересовалась Наташа, но глаза у нее смеялись. Ерожин хохотнул, взял ее под руку и они пошли по квартире. В спальне, напротив огромной дубовой кровати, на столике стоял новый японский телевизор и видеомэгниафон. Петр Григорьевич принялся, и ему показалось, что в воздухе остался ели заметный запах женских духов.

– Чем то здесь довольно приятно пахнет. – Сказал он Наташе. Наташа повела носиком и согласилась:

– Дорогими духами пахнет. Вот этого тут до женитьбы Валерия Андреевича я не замечала. Он открыл покрывало, приподнял подушку и обнаружил женскую ночную рубашку из прекрасного синего шелка. Эта рубашка и благоухала французскими духами. Ерожин свернул рубашку и сунул ее себе в карман.

– Больше никаких изменений не видишь? – Улыбнулся Ерожин.

– Техники тут раньше не было. – Уверенно сказала девушка, указывая на телевизор и видеомagneфон.

– Ты точно это помнишь? – Спросил Ерожин.

– Еще бы! Валерий Андреевич терпеть не мог телевизора. Он никогда его не смотрел и в доме иметь не желал. – Ответила Наташа: – Кирилл не раз предлагал купить ему телевизор, но Валерий Андреевич категорически отказывался.

– А как он узнавал новости? – Не понял сыщик.

– Валерий Андреевич слушал радио и читал газеты.

Ерожин хмыкнул, оглядел ненавистную хозяйину новинку и обнаружил в видеомagneфоне заряженную кассету с фильмом:

– Давай поглядим, чем развлекался академик в спальне. – Предложил он и включил систему. На экране появились только штрихи и точки. Петр понял в чем дело, перемотал пленку и снова нажал на «плей»

Сначала экран оставался абсолютно темным, потом начал светлеть и правый его край сделался золотым. Эта мерца-

ющая позолота захватывала все большую часть кадра, пока не заполнила его целиком. Тихо, издалека зазвучало болеро Равеля и на экране возникла женщина. Это была стройная молодая женщина с огромными застывшими глазами. Одета она была во что-то легкое и золотое. Женщина не стояла на месте, а двигалась, плыла сквозь какие-то золотистые залы. Разглядеть интерьер залов, глаз не мог, она шла сквозь миражи. В этих миражах угадывались бассейны, ковры и огромные вазы. Но они были прозрачны и женщина проходила сквозь них, словно через туманные облака. И шла она не так, как ходят в жизни. Это был шаг танца.

– Что это, балет? – Спросила Наташа.

– Я пока ничего не понимаю. – Признался Ерожин. Тем временем женщина на экране доплыла до зала, где стояла скульптура. Скульптура тоже была отлита из золота и изображала атлета. Атлет застыл широко расставив ноги, и опустив руки... Его напряженное мужское естество стремилось вверх и удивляло размерами. Танцовщица остановилась возле золотой скульптуры и сбросив часть своей золотистой одежды, накрыла ею голову статуи. Обнаженная до пояса танцовщица, под музыку Равеля, стала кружить вокруг атлета, лаская его. Затем, она обняла статую, и на экране начался аллегорический любовный акт красавицы со скульптурой. Она целовала напряженную золотую плоть, садилась на нее, гладила его ноги и бедра. И металлический герой ожил. Он сорвал со своего лица одежду балерины, потом сорвал с

нее остаток одежды, поднял обнаженную красавицу и овладел ее.

– Порнуха! – Рассмеялся Ерожин. И он был прав, потому, что в этом, на первый взгляд, поэтическом танце имелись все атрибуты порнографического фильма. Перевернув сюжет «Прелестной Галатеи» наоборот, режиссер смаковал обыкновенный половой акт. Даже режиссерская находка, превратившая тело красавицы в золотой металл, по существу ничего не меняла. На экране под прекрасную музыку совокуплялись две золотые статуэтки.

– Чему ты смеешься? – Удивленно спросила Наташа. Ерожин посмотрел на девушку и увидел, что щеки ее стали пунцовыми.

– А ты засмущалась, дурочка? Я представил себе семидесяти девятилетнего академика с пожилой супругой за просмотром этого кино, и мне это показалось весело.

Наташа непонимающе посмотрела на Петра Григорьевича, потом перевела взгляд на экран и звонко рассмеялась тоже. Они хохотали до слез. Но видеомэгнитофон Ерожин не выключил. В отличие от большинства подобных фильмов, этот чем-то завораживал. Возможно, музыкой Равеля, удивительно совпадающий с пластикой на экране. Возможно красотой золотистого кадра и работой оператора. Если это и был порнофильм, то сделан он был очень талантливо и действовал на эротические центры безотказно. Ерожин и Наташа перестали смеяться. Петр подошел к девушке, поднял

ее и бросил на кровать академика. Болеро великого француза давно закончилось, закончился и фильм. Но эротическое действо в спальне покойного академика продолжалось.

– Я больше не могу. – Взмолилась Наташа.

– Можешь. – Рычал Ерожин и снова набрасывался на нее. Наконец сыщик уgomонился. Ни у Наташи, ни у Петра не было сил пошевелиться. Они молча лежали на постели, и мерцающий штрихами и точками экран телевизора отбрасывал блики на их обнаженные, усталые тела. Наконец, Петр Григорьевич заставил себя двигаться. Он сел, свесив ноги, затем поднялся, отключил экран, взял Наташу на руки, и понес в ванную. Они молча постояли под душем.

– Надо доработать квартиру. – Устало сказал Петр Григорьевич, когда они оделись. Наташа кивнула. Ерожин погладил ее маленькую головку и попросил еще раз поглядеть, нет ли изменений в доме. Кроме телевизора «видика» и пропавшей карточки никаких изменений в квартире Наташа не заметила. Не нашел там больше ничего интересного для себя и Ерожин. Но и то, что он увидел и узнал требовало анализа. Он еще раз быстро обошел все помещения, прикинул, что площадь квартиры не меньше ста метров и если тут сделать современный ремонт, она может, с учетом центра, стоить огромных денег. Ерожин не так давно приобрел себе новое жилье и о ценах на рынке недвижимости некоторое представление имел. Напоследок он заглянул в спальню, вынул из видеоманитофона кассету, и запихнул ее себе в карман:

– Теперь пошли на воздух. Ты мне очень помогла и это надо отметить. – Заявил он, выпуская Наташу из квартиры.

– Тебе часто понадобится моя помощь, или одного раза достаточно? – Тихо спросила девушка, и подполковник понял, что вопрос этот ее беспокоит.

– Поживем, увидим. – Уклонился от прямого ответа сыщик, и распахнул перед Наташей дверцу машины. Петр Григорьевич не всегда был верен супруге, но предыдущие эпизоды изменой не считал. Сегодня это произошло впервые, и что с этим делать подполковник в отставке Петр Григорьевич Ерожин пока не знал.

* * *

Татьяне Петровне Голиковой не долго пришлось ждать звонка своей новой молодой подруги. Нора позвонила через два дня и сказала, что приглашает женщину на очень интересную выставку. Пенсионерка попыталась узнать куда, но Нора сказала, что это сюрприз и предложила женщине встретиться у метро Кропоткинская.

– Садитесь в первый вагон и поднимайтесь на верх по ходу поезда. Там выход прямо напротив храма Христа Спасителя. В шесть часов вечера буду вас ждать.

– Не поздно ли? Выставки обычно уже закрываются. – Предупредила Татьяна Петровна, но Нора ее успокоила:

– Не волнуйтесь, времени у нас будет достаточно.

Татьяна Петровна поблагодарила и стала собираться. Лето подходило к концу. Вечерами уже становилось прохладно. Она решила надеть свое зеленой выходное платье. Сама не понимая почему, перед свиданием со своей новой приятельницей, женщина немного волновалась.

«Наверное, потому, что первый раз пойду на вернисаж не одна» – Решила она, придиричиво разглядывая себя в зеркало. После знакомства с молодой красавицей, Татьяна Петровна много думала о ней. Женщина имела жалостливое сердце и намек Норы, что она одинока и несчастно влюблена, вызывал в душе пенсионерки живое сострадание.

День выдался солнечный, на небе ни облачка. Татьяна Петровна понадеялась, что и вечер пройдет без дождя, и зонтик не взяла. На место встречи она приехала за двадцать минут. Норы пока не было, и женщина залюбовалась храмом. Восстановленный на месте бассейна Москва, Храм Христа Спасителя так близко ей раньше видеть не довелось. «Дай бог здоровье нашему хозяину. Уж, какой он у нас молодец» – С благодарностью подумала пенсионерка о столичном мэре. За свою жизнь она повидала не мало городских руководителей, но все они правили как бы сами по себе, а этот и «пенсию москвичам добавил, и проезд бесплатный пенсионерам разрешил, да и Москву при нем не узнать»... – За этими мыслями, она не заметила, как подошла Нора.

– Любуетесь храмом? – Спросила она, вместо приветствия.

– Красивый, глаз не оторвешь. – Призналась Татьяна Петровна.

– Не знаю, мои знакомые художники, говорят безвкусица. – Улыбнулась Нора.

– Так его же восстановили в былой красе. Он таким еще при царе был. – Заступилась Татьяна Петровна.

– Его и тогда ругали. Третьяков, например, говорил, что это храм – перечница. А вкус Павел Михайлович имел уникальный. Ну, не будем спорить. Мне, если честно, он и самой нравится. – Нора взяла женщину под руку и повела к переходу:

– Какая вы сегодня нарядная! Прямо невеста. Пора замуж выдавать. – Восхитилась она, оглядывая зеленый наряд своей пожилой подруги.

– Не смущайте меня. Надела свое лучшее платье, потому что больше надеть вечером нечего. – Краснея, ответила пенсионерка.

– Тряпки дело наживное. – Филосовски заметила Нора.

– Куда мы идем? – Спросила Татьяна Петровна, вертя головой. Она думала, что они пойдут в Пушкинский музей. Но они шли в другую сторону. На Остоженке она выставочных залов не знала.

– Туда, куда мы с вами сейчас придем, вы никогда не были. – Ответила Нора и подтолкнула Татьяну Петровну в подворотню. Они прошли двор и остановились у подъезда без всяких вывесок. Нора нажала кнопку переговорного устрой-

ства и что-то сказала в микрофон. Дверь открылась и мужчина в форменном пиджаке, пропустил их в огромный холл. Нора скинула легкий лайковый плащ и отдала его впустившему их мужчине. Затем взяла Татьяну Петровну под руку и повела вверх по лестнице. Они вошли в небольшой зал, увешанный картинами. В углу зала, за маленьким столиком, обтянутым зеленым бархатом, сидел полный субъект с огромной копной вьющихся волос. Татьяне Петровне показалось, что он лицом похож на цыгана. При виде Норы и ее спутницы, субъект, словно мячик выпрыгнул из кресла и, улыбаясь во весь рост, прихрамывая засеменил к ним на встречу:

– Очень рад, очень рад, очень рад. – Затараторил он, продолжая улыбаться.

– Ну Илья, показывай свои шедевры. Я приятельницу пригласила. Уж не подведи. – Сказала Нора и протянула ему руку. Цыганистый Илья схватил руку посетительницы и, склонившись, стал быстро целовать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.